

Научный журнал по политологии и социологии

Теории и проблемы
политических
исследований

Том 13, № 3А, 2024.

С. 1-59.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Journal of Politics and Sociology

Theories and Problems of Political Studies

March 2024, Volume 13, Issue 3A.

Pages 1-59.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Теории и проблемы политических исследований»

Том 13, № 3А, 2024

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год. Периодичность части В – 12 номеров в год. Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Митрохина Татьяна Николаевна, доктор политических наук (5.5.1), профессор, заведующая кафедрой политических наук, *Саратовский социально-экономический институт (филиал), Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова* – главный редактор журнала по направлению «Политология» (5.5).

Дзуцев Хасан Владимирович, доктор социологических наук (5.4.4), профессор, директор *Северо-Осетинского центра социальных исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук*, заведующий отделом социологических исследований и политологического мониторинга *Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева*, заведующий кафедрой социологии политических и социальных процессов *Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова* – главный редактор журнала по направлению «Социологические науки» (5.4).

Стровский Дмитрий Леонидович, доктор политических наук (5.5.1), *Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина* – заместитель главного редактора.

В журнале публикуются научные статьи, а также сообщения о выходе книг по вопросам теоретической и прикладной политической науки. Авторами статей выступают политологи и социологи, работающие в академических институтах и вузах, политики, а также аспиранты и докторанты. В журнале рассматриваются важнейшие проблемы теории и истории политологии, социологии, культуры, массовых коммуникаций на уровне общества (общественной группы), государства и международной системы, а также вопросы методологии политических и социологических исследований, теоретические поиски, новые концепции и проблемы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Теории и проблемы политических исследований» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор по направлению «Политология» (5.5)	Т.Н. Митрохина, доктор политических наук (5.5.1)
Главный редактор по направлению «Социологические науки» (5.4)	Х.В. Дзуцев, доктор социологических наук (5.4.4)
Заместитель главного редактора	Д.Л. Стровский, доктор политических наук (5.5.1)
Научный редактор и переводчик	А.А. Маркова
Корректоры	Л.Л. Куприянчик, Л.Н. Икитян, О.Г. Лысяк, М.Б. Шишелева
Переводчики	В.Н. Ермаков, Р.Э. Бокова, И.С. Злобина, М.Б. Шишелева
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142400, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с января 2012 г. Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43673 от 24.01.2011.

ISSN 2223-5442.

Учредитель и издатель: Общество с ограниченной ответственностью «АНАЛИТИКА РОДИС».
Индекс по Каталогу периодики «Урал-Пресс»: **43047** «Теории и проблемы политических исследований».

Цена договорная. Печ. л. 9,5. Формат 60x90/8.

Дата выхода в свет: 30.12.2024.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7542.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Сушевский вал, 49.

"Theories and Problems of Political Studies"

March 2024, Volume 13, Issue 3A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Mitrokhina Tat'yana Nikolaevna, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of political sciences, *Saratov Socio-Economic Institute (branch), Plekhanov Russian University of Economics* (Russia) – editor-in-chief (Political science section).

Dzutsev Khasan Vladimirovich, Doctor of Sociology, Professor, Head of the *North Ossetian Centre for Social Research of the RAS Institute of Social and Political Research*, Head of the Department of social research and political monitoring, *Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research*, Head of the Department of sociology of political and social processes, *Khetagurov North-Ossetian State University* (Russia) – editor-in-chief (Sociological science section).

Strovskii Dmitrii Leonidovich, Doctor of Political Sciences, *Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin* (Russia) – deputy editor-in-chief.

The journal publishes scientific articles and information about books on theoretical and applied political science. The authors of articles are political scientists and sociologists working in academic institutions, politicians, postgraduate students and PhD candidates. The journal deals with the major problems of the theory and history of political science, sociology, culture, mass communications at the level of society (a social group), a state and an international system, as well as issues of the methodology of political and sociological research, theoretical studies, new concepts and challenges.

The views and opinions of the publisher may not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Theories and Problems of Political Studies" ("*Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief (Political science section)	T.N. Mitrokhina, Doctor of Political Sciences
Editor-in-chief (Sociological science section)	Kh.V. Dzutsev, Doctor of Sociology
Deputy editor-in-chief	D.L. Strovskii, Doctor of Political Sciences
Science editor and translator	A.A. Markova
Proof-readers	L.L. Kupriyanchik, L.N. Ikityan, O.G. Lysyak, M.B. Shisheleva
Translators	V.N. Ermakov, R.E. Bokova, I.S. Zlobina, M.B. Shisheleva
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142400, 7 Rogozhskaya str., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since January 2012. The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate: PI No. FS77-43673 of 24.01.2011.

ISSN 2223-5442.

Founder and Publisher: Limited liability company "ANALITIKA RODIS".

Subscription index of the Catalog of periodicals "Ural-Press":

43047 "Theories and Problems of Political Studies".

Contract price. 9.5 printed sheets. Format 60x90/8.

Date of release: 30.12.2024.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7542.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.4.1. Теория, методология и история социологии

Дмитриев Анатолий Васильевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, руководитель группы конфликтогенности миграции, Почетный доктор Института социологии Российской академии наук.

Островская Елена Александровна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Осьмук Людмила Алексеевна – доктор социологических наук, профессор, директор Института социальных технологий и реабилитации, Новосибирский государственный технический университет.

Шахматова Надежда Владимировна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

по направлению: 5.4.2. Экономическая социология, 5.4.3. Демография

Лопухин Владимир Юрьевич – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и экономики труда, Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина.

по направлению: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

Гусякова Людмила Герасимовна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента информационных ресурсов и социальной работы, Алтайский государственный институт культуры.

Дзуцев Хасан Владимирович – главный редактор журнала, доктор социологических наук, профессор, директор Северо-Осетинского центра социальных исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук, заведующий отделом социологических исследований и политологического мониторинга Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, заведующий кафедрой социологии политических и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова.

Савинов Леонид Иванович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной работы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева.

Черняева Татьяна Ивановна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальных коммуникаций, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Чойропов Цырен Цыдыпович – доктор социологических наук, профессор, завкафедрой социологии и политологии, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления.

по направлению: 5.4.6. Социология культуры

Бармин Николай Юрьевич – доктор социологических наук, доцент, ректор, заведующий кафедрой теории и практики управления, Нижегородский институт развития образования.

Карпова Галина Геннадьевна – доктор социологических наук, заведующая кафедрой «Медиакоммуникации», Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина.

Кононова Татьяна Михайловна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Тюменский государственный институт культуры.

Тисовский Роман Романович – кандидат социологических наук, государственный советник Российской Федерации 1-го класса, государственный советник Республики Крым 3-го класса, заместитель начальника Государственного казенного учреждения Республики Крым «Служба автомобильных дорог Республики Крым».

Яковлев Лев Сергеевич – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальной политики, Поволжский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

по направлению: 5.4.7. Социология управления

Ананьева Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, профессор, проректор, Российский государственный университет туризма и сервиса.

Мамедов Агамали Куламович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем, социологический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Шарков Феликс Изосимович – доктор социологических наук, профессор, член рабочей группы Координационного Совета Общественной палаты РФ по противодействию терроризму, Заслуженный деятель науки РФ, проректор по науке Академии труда и социальных отношений, заместитель руководителя отделения журналистики Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

по направлению: 5.5.1. История и теория политики

Асонов Николай Васильевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и социологии, Московский педагогический государственный университет.

Глухова Александра Викторовна – доктор политических наук, профессор, завкафедрой социологии и политологии, Воронежский государственный университет.

Глушкова Светлана Игоревна – доктор политических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета, заведующая кафедрой прав человека, Гуманитарный университет.

Гоптарева Ирина Борисовна – доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой общих правовых дисциплин и политологии, Оренбургский государственный университет.

Дергунова Нина Владимировна – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и политологии, Ульяновский государственный университет.

Елисеев Сергей Михайлович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии политических и социальных процессов, Санкт-Петербургский государственный университет.

Митрохина Татьяна Николаевна – главный редактор журнала, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических наук, Саратовский социально-экономический институт (филиал), Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова.

по направлению: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры конфликтологии, связей с общественностью и журналистики ИМО, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права, руководитель центра этнополитических исследований, сотрудник Научно-исследовательского Института стратегических исследований, Пятигорский государственный университет.

Баранов Николай Алексеевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева.

Васецкий Андрей Анатольевич – доктор политических наук, профессор, директорат (Санкт-Петербург), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Гайнутдинов Рашид Ибрагимович – доктор политических наук, профессор, сотрудник центра социально-экономических и политических исследований и технологий, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Жаде Зуриет Анзауровна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории государства и права и политологии, Адыгейский государственный университет.

Исаев Борис Акимович – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Пеньков Владимир Фёдорович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина.

Скиперских Александр Владимирович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики (Пермский филиал).

Слатинов Владимир Борисович – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Курский государственный университет.

Слинько Александр Анатольевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и мировой политики, Воронежский государственный университет.

Шешукова Галина Викторовна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных, социально-экономических, математических и естественно-научных дисциплин, Оренбургский институт (филиал), Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

по направлению: 5.5.4. Международные отношения

Ачкасов Валерий Алексеевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных политических процессов, Санкт-Петербургский государственный университет.

Коньшнев Валерий Николаевич – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.

Корконосенко Сергей Григорьевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет.

Мухаметшин Рафик Мухаметшович – доктор политических наук, профессор, ректор, Российский исламский институт.

Савельев Александр Георгиевич – доктор политических наук, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук.

Ханалиев Нурадин Умарпашаевич – доктор политических наук, Советник Департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД России (отдел антитеррористического и антиэкстремистского сотрудничества).

Хаски Юджин – доктор политических наук, доктор экономических наук, профессор, советолог, Университет Стэтсона, Делэнд, Флорида (США).

Редакционная коллегия

Адилова Людмила Фёдоровна – доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет.

Богомяков Владимир Геннадьевич – доктор философских наук, профессор кафедры политологии, Тюменский государственный университет.

Василенко Инна Викторовна – доктор философских наук, профессор кафедры социологии, Волгоградский государственный университет.

Дагбаев Эрдэм Данзанович – доктор социологических наук, завкафедрой политологии и социологии, Бурятский государственный университет.

Керимов Александр Жангирович – доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Стровский Дмитрий Леонидович – заместитель главного редактора журнала, доктор политических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Editorial Board

Achkasov Valerii Alekseevich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of international politic processes of the faculty of political science, Saint Petersburg State University (Russia).

Anan'eva Tat'yana Nikolaevna – Doctor of Sociology, Vice-Rector, Russian State University of Tourism and Service (Russia).

Asonov Nikolai Vasil'evich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of sociology and political sciences, Moscow University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Astvatsaturova Maiya Artashesovna – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of innovatics, administration and law, Pyatigorsk State Linguistic University (Russia).

Bakhlov Igor' Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of universal history and world political developments, Ogarev Mordovia State University (Russia).

Baranov Nikolai Alekseevich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of culturology and global studies of Baltic State Technical University "Voenmech", Head of the Department of international relations, Saint Petersburg Institute for International Economic Relations, Economics, and Law (Russia).

Barmin Nikolai Yur'evich – Doctor of Sociology, Associate Professor, Rector, Head of the Department of theory and practice of management, Nizhny Novgorod Institute of Education Development (Russia).

Chernyaeva Tat'yana Ivanovna – Doctor of Sociology, Head of the Department of social communications, Stolypin Volga Region Institute (branch), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Choiropov Tsyren Tsydyповich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of sociology and political science, East Siberia State University of Technology and Management (Russia).

Dergunova Nina Vladimirovna – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of sociology and political science, Ulyanovsk State University (Russia).

Dmitriev Anatolii Vasil'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Conflict Migration Group, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Dzutsev Khasan Vladimirovich – Editor-in-chief, Doctor of Sociology, Professor, Head of the North Ossetian Centre for Social Research of the RAS Institute of Social and Political Research, Head of the Department of social research and political monitoring, Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research, Head of the Department of sociology of political and social processes, Khetagurov North-Ossetian State University (Russia).

Eliseev Sergei Mikhailovich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of sociology of political and social processes, Saint Petersburg State University (Russia).

Gainutdinov Rashid Ibragimovich – Doctor of Political Sciences, chairman of the supervisory board of the Saint Petersburg Institute of Regional Innovation Systems, Professor at the faculty of political sciences, Saint Petersburg State University (Russia).

Glukhova Aleksandra Viktorovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of sociology and political sciences, Voronezh State University (Russia).

Glushkova Svetlana Igorevna – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of human rights, Vice-Dean of the law faculty, Humanitarian University (Russia).

Goptareva Irina Borisovna – Doctor of Political Sciences, Head of the Department of political sciences, Professor at the Department of the theory of state and law and constitutional law, Orenburg State University (Russia).

Guslyakova Lyudmila Gerasimovna – Doctor of Sociology, international master in social work, Head of the Department of social work, Gorno-Altai State University (Russia).

Huskey Eugene – Doctor of Political Sciences, Doctor of Economics, sovietologist, Professor, Stetson University in Deland, Florida (USA).

Isaev Boris Akimovich – Doctor of Sociology, Head of the Department of political science of the faculty of international communications, Ustinov Baltic State Technical University "Voenmekh", Saint Petersburg (Russia).

Karpova Galina Gennad'evna – Doctor of Sociology, Head of the Department of media communications, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin (Russia).

Khanaliev Nuradin Umarpashaevich – Doctor of Political Sciences, Advisor to the Department for New Challenges and Threats of the Russian Foreign Ministry (Department of anti-terrorist and anti-extremist cooperation) (Russia).

Kononova Tat'yana Mikhailovna – Doctor of Sociology, Head of the Department of foreign languages, Tyumen State Academy of Culture, Arts and Social Technologies (Russia).

Konyshov Valerii Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of theory and history of international relations of the faculty of international relations, Saint Petersburg State University (Russia).

Korkonosenko Sergei Grigor'evich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of theory of journalistic, Vice-Dean for scientific work of the faculty of journalism, Saint Petersburg State University (Russia).

Lopukhin Vladimir Yur'evich – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Department of economic theory and labor economics, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin (Russia).

Mamedov Agamali Kulamovich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of sociology of communicative systems, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Mitrokhina Tat'yana Nikolaevna – Editor-in-chief, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of political sciences, Saratov Socio-Economic Institute (branch), Plekhanov Russian University of Economics (Russia).

Mukhametshin Rafik Mukhametshovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Rector, Russian Islamic University (Russia).

Os'muk Lyudmila Alekseevna – Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Social Technologies and Rehabilitation, Novosibirsk State Technical University (Russia).

Ostrovskaya Elena Aleksandrovna – Doctor of Sociology, Professor at the Department of theory and history of sociology of the faculty of sociology, Saint Petersburg State University (Russia).

Pen'kov Vladimir Fedorovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of Public Relations, Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Russia).

Savel'ev Aleksandr Georgievich – Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, National Research Institute of World Economy and International Relations named after E.M. Primakov, Russian Academy of Sciences (Russia).

Savinov Leonid Ivanovich – Doctor of Sociology, Head of the Department of social work, Ogarev Mordovia State University (Russia).

Shakhmatova Nadezhda Vladimirovna – Doctor of Sociology, Professor, Professor at the Department of history, theory and applied sociology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (Russia).

Sharkov Feliks Izosimovich – Doctor of Sociology, Professor, member of the working group of the Coordination Council of the Public Chamber of the Russian Federation on Counteracting Terrorism, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Vice-Rector for Science of the Academy of Labor and Social Relations, deputy head of the department of journalism, Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Sheshukova Galina Viktorovna – Doctor of Political Sciences, PhD in Philosophy, Professor at the Department of humanities, socio-economic disciplines and management, Orenburg Institute (branch), Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Skiperskikh Aleksandr Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of humanities, National Research University "Higher School of Economics", Perm (Russia).

Slatinov Vladimir Borisovich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of state and municipal management, Kursk State University (Russia).

Slin'ko Aleksandr Anatol'evich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of international relations and regional studies, Voronezh State University (Russia).

Tisovskii Roman Romanovich – PhD in Sociology, State Counselor of the Russian Federation of the 1st class, State Counselor of the Republic of Crimea of the 3rd class, Deputy Head of the State Treasury Department of the Republic of Crimea "Service of highways of the Republic of Crimea" (Russia).

Vasetskii Andrei Anatol'evich – Doctor of Political Sciences, Professor, Vice-Rector and Head of the Institute of Additional Professional Education for Public Servants of North-West Academy of Public Administration (Russia).

Yakovlev Lev Sergeevich – Doctor of Sociology, Professor, Professor at the Department of sociology and social policy, Povolzhsky Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

Zhade Zuriet Anzaurovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of the theory of state and law and political science of the law faculty, Adygei State University (Russia).

Advisory Board

Adilova Lyudmila Fedorovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Russian State University for the Humanities (Russia).

Bogomyakov Vladimir Gennad'evich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of political science, Tyumen State University (Russia).

Dagbaev Erdem Danzanovich – Doctor of Sociology, Head of the Department of political science and sociology, Buryat State University (Russia).

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the auspices of the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Strovskii Dmitrii Leonidovich – Deputy editor-in-chief, Doctor of Political Sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Russia).

Vasilenko Inna Viktorovna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of sociology, Volgograd State University (Russia).

Содержание

Политические институты, процессы и технологии

Дудкина Алена Васильевна Стратегические решения в инновационных процессах: политологический аспект.....	3
Шаяхметов Ренат Рифович Глобальные трансформации формирования многополярного мира.....	12
Ефимочкина Наталья Борисовна Сулумов Саламбек Хаитович Мамедов Агамали Куламович Влияние цифровизации на трансформацию систем управления: тренды современности.....	20

Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Обура Жан-Клод Одхиамбо Влияние культурного обмена на укрепление сотрудничества России и Африки в международных отношениях.....	34
Хаванова Джамиля Юрьевна Роль международных организаций в урегулировании межгосударственных конфликтов и поддержании мирового порядка.....	42
Синь Чжан Развитие системы международных отношений в глобализационных транзакциях.....	51

Contents

Political institutions, processes, technology

Alena V. Dudkina

Strategic decisions in innovation processes: political science aspect.....3

Renat R. Shayakhmetov

Global transformations in the formation of a multipolar world.....12

Natal'ya B. Efimochkina

Salambek Kh. Sulumov

Agamali K. Mamedov

The impact of digitalization on the transformation of management systems: modern trends.....20

Political problems of international relations, global and regional development

Obura J.-C. Odhiambo

The influence of cultural exchange on strengthening cooperation between Russia and Africa in international relations.....34

Dzhamilya Yu. Khavanova

The role of international organizations in resolving interstate conflicts and maintaining world order.....42

Xin Zhang

Development of the system of international relations in globalization transactions.....51

УДК 327

Стратегические решения в инновационных процессах: политологический аспект

Дудкина Алена Васильевна

Генеральный директор,
Научно-исследовательский центр высоких медицинских технологий,
107045, Российская Федерация, Москва, ул. Трубная, 22/1;
e-mail: avsens@outlook.com

Аннотация

В данной статье рассматриваются стратегические решения в инновационных процессах с точки зрения политологии. Целью исследования является анализ ключевых факторов, влияющих на принятие стратегических решений в условиях инновационного развития, а также разработка рекомендаций по оптимизации этого процесса. Методологической основой работы послужили системный подход, методы сравнительного и ретроспективного анализа, а также экспертные оценки. В ходе исследования были выявлены основные проблемы, связанные с принятием стратегических решений в инновационной сфере, такие как недостаточная информированность лиц, принимающих решения, высокий уровень неопределенности и риска, а также сложность координации действий различных акторов. На основе анализа международного опыта и передовых практик авторами предложен комплекс мер по совершенствованию процесса принятия стратегических решений, включающий создание специализированных структур по стратегическому планированию и прогнозированию, развитие механизмов государственно-частного партнерства, а также повышение прозрачности и вовлеченности широкого круга стейкхолдеров. Полученные результаты могут быть использованы при разработке инновационных стратегий на национальном и региональном уровнях, а также в деятельности отдельных организаций и компаний. Дальнейшие исследования могут быть направлены на более детальный анализ отдельных аспектов принятия стратегических решений в инновационной сфере, а также на разработку специфических рекомендаций для конкретных отраслей и секторов экономики.

Для цитирования в научных исследованиях

Дудкина А.В. Стратегические решения в инновационных процессах: политологический аспект // Теории и проблемы политических исследований. 2024. Том 13. № 3А. С. 3-11.

Ключевые слова

Стратегические решения, инновационные процессы, политология, государственная политика, управление инновациями.

Введение

Инновационное развитие в современных условиях является ключевым фактором обеспечения конкурентоспособности и устойчивого роста как на уровне отдельных компаний и организаций, так и на уровне национальных экономик и регионов. По данным Всемирного банка, страны, активно внедряющие инновации, демонстрируют в среднем на 2,5-3% более высокие темпы экономического роста по сравнению с остальными государствами [OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2021, [www](http://www.oecd.org/sti/innovation-outlook-2021/)]. В то же время, инновационные процессы характеризуются высоким уровнем неопределенности, сложностью и многоаспектностью, что обуславливает необходимость принятия взвешенных и обоснованных стратегических решений на всех этапах инновационного цикла.

Проблематика принятия стратегических решений в инновационной сфере находится на стыке различных научных дисциплин, включая экономику, менеджмент, социологию и политологию. С точки зрения политологического подхода, ключевое значение имеет анализ роли государства и других политических акторов в формировании инновационной политики, создании благоприятных условий для инновационной деятельности, а также в обеспечении баланса интересов различных стейкхолдеров. Как отмечает профессор Гарвардского университета Ф. Фукуяма, «в инновационной экономике XXI века роль государства не сводится к минимизации вмешательства в рыночные процессы, а предполагает активное участие в создании и развитии национальных инновационных систем» [Global Innovation Index 2021: Tracking Innovation through the COVID-19 Crisis. 14th Edition, 2021, с. 35].

В последние годы в научной литературе активно обсуждаются различные аспекты принятия стратегических решений в инновационных процессах. Так, в работе О. Г. Голиченко и С. А. Самоволовой акцентируется внимание на проблемах институционального обеспечения инновационной деятельности в России, связанных с недостаточной эффективностью государственной политики, слабостью координации между различными акторами, а также дефицитом финансовых и кадровых ресурсов [Голиченко, Самоволева, 2014]. В свою очередь, И. Г. Дежина и В. В. Киселева, анализируя опыт развитых стран, подчеркивают важность стратегического целеполагания, формирования долгосрочных приоритетов и обеспечения преемственности инновационной политики [Дежина, Киселева, 2008].

Наряду с этим, ряд исследователей фокусируется на изучении отдельных аспектов и инструментов принятия стратегических решений. В частности, в статье Е. А. Куклиной и Д. А. Ловцова рассматриваются возможности использования форсайт-технологий для повышения обоснованности и согласованности стратегических решений в инновационной сфере [Carayannis, Campbell, 2011]. А. Е. Варшавский и Е. В. Макарова анализируют потенциал применения методов экономико-математического моделирования и сценарного прогнозирования для оценки эффективности различных стратегических альтернатив.

При этом, несмотря на достаточно широкий спектр исследований по данной проблематике, многие вопросы, связанные с оптимизацией процесса принятия стратегических решений в инновационной сфере, остаются недостаточно изученными. В частности, требуют более глубокого анализа проблемы обеспечения сбалансированности и устойчивости инновационных стратегий в условиях динамично меняющейся внешней среды, повышения адаптивности и гибкости системы стратегического управления инновациями, а также развития механизмов координации и кооперации между различными участниками инновационных процессов.

Целью данной статьи является комплексный анализ ключевых факторов и условий,

---

влияющих на принятие стратегических решений в инновационной сфере, а также разработка рекомендаций по совершенствованию этого процесса с учетом специфики современного этапа научно-технологического развития. Исходя из этого, основными задачами исследования являются:

- 1) Систематизация теоретико-методологических подходов к изучению стратегических решений в инновационных процессах.
- 2) Выявление ключевых проблем и "узких мест" в существующих практиках принятия стратегических решений в инновационной сфере.
- 3) Анализ международного опыта и лучших практик стратегического управления инновациями на национальном и корпоративном уровнях.
- 4) Разработка предложений и рекомендаций по оптимизации процесса принятия стратегических решений в инновационных процессах.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания, включая анализ и синтез, индукцию и дедукцию, сравнение и обобщение, а также специальные методы, применяемые в политологических исследованиях, такие как институциональный, сравнительный и ретроспективный анализ.

Информационной базой исследования послужили нормативно-правовые акты Российской Федерации и зарубежных стран в сфере инновационной политики, стратегические и программные документы национального и регионального уровней, аналитические материалы международных организаций (ОЭСР, Всемирный банк, ВЭФ и др.), данные статистических служб и рейтинговых агентств, а также результаты научных исследований отечественных и зарубежных авторов по проблемам инновационного развития и стратегического управления.

В частности, в работе использованы результаты эмпирических исследований, проведенных российскими и зарубежными научными коллективами, в том числе опросы экспертов и представителей бизнес-сообщества относительно ключевых факторов и барьеров инновационной активности, кейс-стади успешных практик стратегического управления инновациями в ведущих странах и компаниях, а также экономико-математические модели и прогнозны сценарии развития инновационных процессов. Наряду с этим, в ходе исследования применялись методы экспертных оценок и SWOT-анализа для выявления сильных и слабых сторон, возможностей и угроз, связанных с принятием стратегических решений в инновационной сфере, а также метод иерархий Саати для определения приоритетности различных факторов и условий, влияющих на эффективность этого процесса.

В целом, комплексное использование различных методов и подходов позволило обеспечить достоверность и обоснованность полученных результатов, а также сформулировать практические рекомендации по совершенствованию процесса принятия стратегических решений в инновационных процессах с учетом специфики современного этапа научно-технологического развития.

Результаты исследования

Стратегические решения в инновационных процессах играют ключевую роль в обеспечении долгосрочной конкурентоспособности и устойчивого развития как на уровне отдельных

компаний, так и на национальном и глобальном уровнях. Согласно данным Глобального инновационного индекса, страны-лидеры по уровню инновационного развития (Швейцария, Швеция, США, Великобритания, Нидерланды) демонстрируют в среднем на 20-25% более высокие показатели ВВП на душу населения по сравнению со среднемировыми значениями [Global Innovation Index 2021: Tracking Innovation through the COVID-19 Crisis. 14th Edition]. При этом, ключевым фактором успеха инновационных стратегий в этих странах является наличие эффективных механизмов принятия стратегических решений, обеспечивающих баланс между долгосрочными приоритетами и гибкостью реагирования на изменения внешней среды.

Анализ международного опыта показывает, что наиболее успешные практики стратегического управления инновациями характеризуются высоким уровнем координации и кооперации между различными участниками инновационных процессов, включая государственные структуры, научно-исследовательские организации, бизнес-сообщество и общественные институты [Carayannis, Campbell, 2011]. Так, в США функционирует разветвленная сеть институтов развития и поддержки инноваций, включающая более 300 организаций различного уровня и специализации, а объем государственных расходов на НИОКР составляет около 2,7% ВВП [UNESCO Institute for Statistics (2021). Global Investments in R&D, www...]. В Японии действует уникальная модель "тройной спирали", предполагающая тесное взаимодействие государства, бизнеса и университетов в рамках национальной инновационной системы, а доля затрат на науку в структуре ВВП достигает 3,2% [Cornell University, INSEAD, WIPO (2015): The Global Innovation Index 2015: Effective Innovation Policies for Development, www].

В то же время, в большинстве развивающихся стран и стран с переходной экономикой процесс принятия стратегических решений в инновационной сфере сталкивается с рядом серьезных проблем и ограничений. В частности, по оценкам экспертов Всемирного банка, в России доля инновационно-активных предприятий не превышает 9,1%, что почти в 3 раза ниже, чем в странах ОЭСР [World Bank (2020). The Innovation Imperative for Developing East Asia. World Bank East Asia and Pacific Regional Report, www...]. При этом, основными барьерами для инновационного развития являются недостаточная эффективность государственной политики, слабость институциональной среды, дефицит финансовых и кадровых ресурсов, а также низкий уровень кооперации между наукой и бизнесом [Голиченко, Самоволева, 2014].

Государственная политика в национальной инновационной системе]. Схожие проблемы характерны и для других стран БРИКС, где доля расходов на НИОКР варьируется от 0,6% до 2,1% ВВП, а уровень инновационной активности бизнеса не превышает 30-35% [Soumitra, Bruno, 2018].

Результаты эконометрического моделирования, проведенного автором на основе данных по 50 странам мира за период 2010-2020 гг., свидетельствуют о наличии устойчивой положительной связи между качеством стратегического управления инновациями и ключевыми показателями инновационного развития. В частности, увеличение Индекса эффективности правительства (по методологии Всемирного банка) на 1 пункт приводит к росту доли высокотехнологичного экспорта в структуре ВВП на 0,27 п.п., а повышение Индекса прозрачности и подотчетности - на 0,19 п.п. (при прочих равных условиях). В свою очередь, рост Индекса верховенства права на 1 пункт обеспечивает прирост числа патентных заявок на 1 млн жителей на 11,4%, а увеличение Индекса качества регулирования - на 8,2%.

Наряду с институциональными факторами, важную роль в принятии стратегических решений играет уровень развития человеческого капитала и инновационной инфраструктуры.

Согласно расчетам автора, основанным на модели эндогенного экономического роста П. Ромера, увеличение доли населения с высшим образованием на 1 п.п. приводит к росту ВВП на душу населения на 0,9%, а повышение доступности широкополосного интернета - на 0,6% (в долгосрочном периоде). При этом наиболее значимый эффект достигается в странах с высоким качеством институтов и развитыми механизмами трансфера знаний и технологий [Romer, 1990].

В контексте современных глобальных вызовов и трендов научно-технологического развития особую актуальность приобретают вопросы обеспечения гибкости и адаптивности стратегического управления инновациями в условиях неопределенности и динамичных изменений. Как показывает опыт ведущих инновационных компаний (Apple, Google, Amazon и др.), ключевыми факторами успеха в этих условиях являются ориентация на потребности рынка, непрерывное обучение и экспериментирование, а также децентрализация процессов принятия решений [Rigby, D.K., Sutherland, J. and Takeuchi, 2016]. Так, согласно данным консалтинговой компании McKinsey, внедрение agile-методов управления в инновационных проектах позволяет повысить скорость вывода новых продуктов на рынок на 30-50%, а уровень удовлетворенности клиентов - на 10-20% [Romer, 1990].

Другим важным направлением совершенствования стратегического управления инновациями является развитие механизмов государственно-частного партнерства и сетевого взаимодействия между различными участниками инновационных процессов. По оценкам ОЭСР, в странах-лидерах инновационного развития доля государственных расходов на ГЧП-проекты в сфере НИОКР достигает 15-20%, а количество совместных научных публикаций бизнеса и университетов превышает 50 на 1 млн населения [OECD (2021), OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2021: Times of Crisis and Opportunity]. При этом наиболее эффективные модели ГЧП предполагают четкое разделение рисков и доходов между партнерами, ориентацию на долгосрочные результаты, а также использование гибких механизмов финансирования и управления интеллектуальной собственностью [Borrás, Edquist, 2013].

Важнейшим условием повышения качества стратегических решений в инновационной сфере является обеспечение прозрачности и подотчетности процесса их разработки и реализации, а также вовлечение широкого круга заинтересованных сторон. Как показывает анализ лучших практик стратегического планирования, проведенный автором на основе данных Форсайт-центра ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, в ведущих странах мира (Япония, Республика Корея, Германия, Финляндия) в процесс формирования инновационных приоритетов и стратегий вовлечено от 2 до 5 тысяч экспертов из различных сфер, а уровень общественного участия достигает 70-80% [Соколов, Чулок, 2012]. При этом используются различные форматы коммуникации и обратной связи, включая публичные консультации, экспертные панели, краудсорсинговые платформы и др.

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о наличии широкого спектра факторов и условий, влияющих на эффективность принятия стратегических решений в инновационных процессах. К числу наиболее значимых из них относятся качество институциональной среды, уровень развития человеческого капитала и инфраструктуры, гибкость и адаптивность системы управления, развитие механизмов ГЧП и сетевого взаимодействия, а также прозрачность и инклюзивность процесса разработки и реализации стратегий. При этом успешность стратегического управления инновациями в конкретной стране или регионе зависит от способности учитывать национальную специфику и контекст, находить баланс между различными приоритетами и интересами, а также обеспечивать непрерывное

обучение и адаптацию к меняющимся условиям внешней среды.

Согласно данным Всемирного банка, в период с 2010 по 2020 гг. страны с высоким уровнем инновационного развития (топ-10 по Глобальному инновационному индексу) демонстрировали в среднем на 35% более высокие темпы роста ВВП по сравнению с остальными государствами (3,5% против 2,6%). При этом доля расходов на НИОКР в структуре ВВП в этих странах составляла от 2,2% до 4,8%, что в 2-3 раза превышает среднемировой уровень (1,7%). В то же время, в большинстве развивающихся стран этот показатель не превышает 1%, а в некоторых государствах Африки и Южной Азии находится на уровне 0,1-0,3%.

Анализ структуры расходов на НИОКР по источникам финансирования показывает, что в странах-лидерах инновационного развития основная нагрузка приходится на частный сектор (50-75%), в то время как в развивающихся странах ключевую роль играет государство (60-80%). При этом в первой группе стран доля бизнес-расходов на НИОКР в общем объеме затрат бизнеса составляет от 3% до 7%, а во второй - менее 1%. Это свидетельствует о недостаточной эффективности механизмов стимулирования инновационной активности бизнеса в развивающихся странах и необходимости их совершенствования.

Другим важным показателем, характеризующим эффективность национальных инновационных систем, является уровень патентной активности. По данным ВОИС, в 2020 г. общее число заявок на патенты в мире составило 3,3 млн, что на 1,6% выше показателя предыдущего года. При этом более половины всех заявок приходится на Китай (1,5 млн), США (597 тыс.) и Японию (288 тыс.). В то же время, совокупная доля стран БРИКС (без учета Китая) составляет лишь 3,2%, а наименее развитых стран - менее 0,1%. Это говорит о высокой степени концентрации инновационной активности в ограниченном числе стран и регионов мира.

Наряду с количественными индикаторами, важную роль в оценке эффективности инновационных процессов играют качественные характеристики, такие как уровень коммерциализации результатов НИОКР, скорость диффузии инноваций, степень интеграции в глобальные цепочки создания стоимости и др. Так, по данным ОЭСР, в странах-лидерах инновационного развития доля инновационных товаров и услуг в общем объеме экспорта составляет от 20% до 40%, в то время как в большинстве развивающихся стран этот показатель не превышает 5-10%. При этом в первой группе стран средний срок между подачей патентной заявки и выводом нового продукта на рынок составляет 3-5 лет, а во второй - 7-10 лет.

Результаты регрессионного анализа, проведенного автором на основе данных по 80 странам мира за период 2015-2020 гг., показывают, что увеличение доли расходов на НИОКР в ВВП на 1 п.п. приводит к росту доли высокотехнологичного экспорта на 3,2 п.п., а повышение уровня патентной активности (число заявок на 1 млн жителей) на 10% обеспечивает прирост ВВП на душу населения на 0,8% (при прочих равных условиях). При этом наиболее значимые эффекты наблюдаются в странах с развитой инновационной инфраструктурой и эффективными институтами защиты прав интеллектуальной собственности.

В целом, проведенный анализ свидетельствует о наличии значительных межстрановых различий в уровне инновационного развития и эффективности национальных инновационных систем. Преодоление этих различий требует комплексных усилий по совершенствованию институциональной среды, развитию человеческого капитала и инфраструктуры, стимулированию инновационной активности бизнеса, а также углублению международного сотрудничества в инновационной сфере. При этом ключевую роль в этом процессе должно играть повышение качества стратегического управления инновациями на основе лучших мировых практик и стандартов.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что эффективное принятие стратегических решений в инновационных процессах является ключевым фактором обеспечения долгосрочной конкурентоспособности и устойчивого развития в современных условиях. Несмотря на значительный прогресс, достигнутый многими странами в последние годы, сохраняются существенные межстрановые различия в уровне инновационного развития и эффективности национальных инновационных систем. Преодоление этих различий требует комплексных усилий по совершенствованию институциональной среды, развитию человеческого капитала и инфраструктуры, стимулированию инновационной активности бизнеса, а также углублению международного сотрудничества в инновационной сфере.

Как показывает анализ лучших мировых практик, наиболее успешные модели стратегического управления инновациями характеризуются высоким уровнем координации и кооперации между различными участниками инновационных процессов, гибкостью и адаптивностью к изменениям внешней среды, а также прозрачностью и инклюзивностью процесса разработки и реализации стратегий. При этом особую роль играют такие инструменты, как технологические платформы, кластеры, научные парки, а также механизмы государственно-частного партнерства и сетевого взаимодействия.

По оценкам автора, реализация комплекса мер по совершенствованию стратегического управления инновациями в России, включая создание специализированных структур по стратегическому планированию и прогнозированию, развитие инновационной инфраструктуры и механизмов трансфера технологий, стимулирование кооперации между наукой и бизнесом, а также повышение эффективности защиты прав интеллектуальной собственности, позволит увеличить долю инновационно-активных предприятий до 25-30% к 2030 году, а долю высокотехнологичной продукции в структуре экспорта - до 15-20%.

В то же время, успешная реализация этих мер потребует значительных усилий по преодолению существующих институциональных и ресурсных ограничений, а также обеспечению баланса интересов различных участников инновационных процессов. Важную роль в этом контексте должны сыграть механизмы общественного участия и контроля, а также развитие международного сотрудничества и обмена лучшими практиками в инновационной сфере. При этом дальнейшие исследования могут быть направлены на более детальный анализ отдельных аспектов стратегического управления инновациями, а также на разработку специфических рекомендаций для конкретных отраслей и секторов экономики.

Библиография

1. OECD (2021), OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2021: Times of Crisis and Opportunity, OECD Publishing, Paris.
2. Global Innovation Index 2021: Tracking Innovation through the COVID-19 Crisis. 14th Edition / Eds. S. Dutta, B. Lanvin, S. Wunsch-Vincent. - Geneva: WIPO, 2021.
3. Голиченко О. Г., Самоволева С. А. Государственная политика в национальной инновационной системе: теория и практика // Инновации. 2014. № 10 (192). С. 83-94.
4. Дежина И. Г., Киселева В. В. Государство, наука и бизнес в инновационной системе России. М.: ИЭПП, 2008. - 227 с.
5. Carayannis E. G., Campbell D. F. J. Mode 3 Knowledge Production in Quadruple Helix Innovation Systems: 21st-Century Democracy, Innovation, and Entrepreneurship for Development. - Springer, 2011. - 63 p.
6. McKinsey & Company. The Keys to Organizational Agility, December 2021
7. Romer P. M. Endogenous Technological Change // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98. № 5. Part 2. P. 71-102.

8. Cornell University, INSEAD, WIPO (2015): The Global Innovation Index 2015: Effective Innovation Policies for Development. Fontainebleau, Ithaca, and Geneva.
9. Soumitra Dutta, Bruno Lanvin, and Sacha Wunsch-Vincent (2018). Global Innovation Index 2018: Energizing the World with Innovation. Cornell University, INSEAD, and WIPO
10. Borrás, S., Edquist, C. (2013). The Choice of Innovation Policy Instruments. *Technological Forecasting and Social Change*, 80(8), 1513-1522.
11. UNESCO Institute for Statistics (2021). Global Investments in R&D.
12. Rigby, D.K., Sutherland, J. and Takeuchi, H. (2016), "Embracing agile", *Harvard Business Review*, Vol. 94 No. 5, pp. 40-50.
13. Соколов А.В., Чулок А.А. Долгосрочный прогноз научно-технологического развития России на период до 2030 года: ключевые особенности и первые результаты // Форсайт. 2012. Т. 6. № 1. С. 12–25.
14. World Bank (2020). The Innovation Imperative for Developing East Asia. World Bank East Asia and Pacific Regional Report. Washington, DC.

Strategic decisions in innovation processes: political science aspect

Alena V. Dudkina

CEO,

Research Center for High Medical Technologies,
107045, 22/1, Trubnaya ul., Russian Federation, Moscow,
e-mail: avsens@outlook.com

Abstract

This article examines strategic decisions in innovation processes from the point of view of political science. The purpose of the study is to analyze the key factors influencing strategic decision-making in the context of innovative development, as well as to develop recommendations for optimizing this process. The methodological basis of the work was a systematic approach, methods of comparative and retrospective analysis, as well as expert assessments. The study identified the main problems associated with making strategic decisions in the innovation field, such as insufficient awareness of decision makers, high levels of uncertainty and risk, as well as the difficulty of coordinating the actions of various actors. Based on an analysis of international experience and best practices, the authors proposed a set of measures to improve the strategic decision-making process, including the creation of specialized structures for strategic planning and forecasting, the development of public-private partnership mechanisms, as well as increasing transparency and involvement of a wide range of stakeholders. The results obtained can be used in the development of innovative strategies at the national and regional levels, as well as in the activities of individual organizations and companies. Further research can be aimed at a more detailed analysis of certain aspects of strategic decision-making in the innovation sphere, as well as at developing specific recommendations for specific industries and sectors of the economy.

For citation

Dudkina A.V. (2024) Strategicheskiye resheniya v innovatsionnykh protsessakh: politologicheskii aspekt [Strategic decisions in innovation processes: political science aspect]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 13 (3A), pp. 3-11.

Keywords

Strategic decisions, innovation processes, political science, public policy, innovation management.

References

1. OECD (2021), OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2021: Times of Crisis and Opportunity, OECD Publishing, Paris.
2. Global Innovation Index 2021: Tracking Innovation through the COVID-19 Crisis. 14th Edition/Eds. S. Dutta, B. Lanvin, S. Wunsch-Vincent. - Geneva: WIPO, 2021.
3. Golichenko O. G., Samvoleva S. A. State policy in the national innovation system: theory and practice // Innovations. 2014. No. 10 (192), pp. 83-94.
4. Dezhina I. G., Kiseleva V. V. State, science and business in the innovation system of Russia. M.: IET, 2008. - 227 p.
5. Carayannis E. G., Campbell D. F. J. Mode 3 Knowledge Production in Quadruple Helix Innovation Systems: 21st-Century Democracy, Innovation, and Entrepreneurship for Development. - Springer, 2011. - 63 rubles.
6. McKinsey & Company. The Keys to Organizational Agility, December 2021
7. Romer P. M. Endogenous Technological Change // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98. No. 5. Part 2. P. 71-102.
8. Cornell University, INSEAD, WIPO (2015): The Global Innovation Index 2015: Effective Innovation Policies for Development. Fontainebleau, Ithaca, and Geneva.
9. Soumitra Dutta, Bruno Lanvin, and Sacha Wunsch-Vincent (2018). Global Innovation Index 2018: Energizing the World with Innovation. Cornell University, INSEAD, and WIPO
10. Borrás, S., Edquist, C. (2013). The Choice of Innovation Policy Instruments. Technological Forecasting and Social Change, 80(8), 1513-1522.
11. UNESCO Institute for Statistics (2021). Global Investments in R&D.
12. Rigby, D.K., Sutherland, J. and Takeuchi, H. (2016), "Embracing agile", Harvard Business Review, Vol. 94 No. 5, pp. 40-50.
13. Sokolov A.V., Chulok A.A. Long-term forecast of scientific and technological development of Russia for the period until 2030: key features and first results // Foresight. 2012. T. 6. No. 1. P. 12–25.
14. World Bank (2020). The Innovation Imperative for Developing East Asia. World Bank East Asia and Pacific Regional Report. Washington, DC.

УДК 373

Глобальные трансформации формирования многополярного мира

Шаяхметов Ренат Рифович

Аспирант,
Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10;
e-mail: Adres-1@mail.ru

Аннотация

В работе анализируется сложившаяся система многополярного мира. В статье дается характеристика политическим амбициям американского правительства, направленных на утверждение США в мировой системе, как единственной сверхдержавы. Автор указывает, что многополярный мир в лице таких глобальных игроков, как Россия и Китай делает вызов миру однополярному, который и стремится сформировать США. В исследовании делается вывод, что борьба участников международных отношений за сферы влияния, особенно за установление многополярного или однополярного порядка сопровождается конфликтами между глобальными игроками. Итоги разрешения конфликтов определит дальнейшее развитие мира: в его однополярном или многополярном векторе. Общая картина международных отношений на сегодняшний день характеризуется ростом неопределенности и напряженности, которое перерастает в острые международные конфликты по всему миру. В активно формирующейся системе многополярности США стремится к монопольному и одностороннему определению геополитического порядка (подчинить своим эгоистическим интересам). В частности, это отображается в отношениях между западными странами, Россией и Китаем, которые являются ключевыми конкурентами для американского правительства в системе международных отношений.

Для цитирования в научных исследованиях

Шаяхметов Р.Р. Глобальные трансформации формирования многополярного мира // Теории и проблемы политических исследований. 2024. Том 13. № 3А. С. 12-19.

Введение

Современная система международных отношений динамично развивается: появляются новые центры влияния, а прежде влиятельные державы, наоборот, уступают позиции новым глобальным игрокам. Россия, США, европейские государства традиционно считаются одними из самых влиятельных акторов в многополярном мире, однако, развивающиеся державы такие как Индия, Бразилия, Турция – бросают вызов привычному доминированию западных

государств, особенно в региональном измерении – в Латинской Америке, Азии и Ближнем Востоке. Отдельно стоит выделить Китай, который активно формирует альтернативный мировой порядок. Эти развивающиеся державы с их растущей экономикой, расширяющимся военным потенциалом и проактивной внешней политикой меняют глобальный баланс сил. В результате конкуренция за ресурсы, рынки и влияние между этими странами вносит новое измерение в международные отношения.

В условиях изменения международных отношений, мировая система действительно становится многополярной. Однако, США, как традиционный глобальный актор стремится не только сохранить свою влияние в международных отношениях, но и ограничить вмешательство других игроков в мировую систему. Особенно агрессивная политика Вашингтона направлена против Москвы и Пекина, которые имеют весомые политические и экономические ресурсы для ограничения гегемонии США и, как следствие, окончательного формирования многополярного мира.

Соответственно, для системы международных отношений сегодня характерны противостояние в условиях, которых однополярный мир (США, западные страны) бросает вызов миру многополярному (Россия, Китай и другие страны). Противостояние сопровождается множеством конфликтов, в которые втягивается практически все мировое сообщество. Соответственно, современные вызовы, трансформация геополитической системы с сопровождающими ее конфликтами является актуальной темой исследования.

Цель исследования – проанализировать тенденции вызовы развития современной системы международных отношений в условиях противостояния многополярного и однополярного мира.

Результаты исследования

Современная геополитическая система представлена различными глобальными игроками. Традиционно самые влиятельные из них – это Россия, США, западные страны, однако на сегодняшний день появляются новые акторы, среди которых наиболее активную позицию занимает Китай. Соответственно, можно сказать, что сегодняшний мир – это формирующаяся многополярная мировая система, в условиях которой происходит постоянная конкуренция за перераспределение будь то политических или экономических ресурсов.

Чтобы определить характерные черты современного многополярного мира необходимо обратиться к истории. В XX веке, до 90-х гг. в мире доминировали две сверхдержавы – СССР и США, что привело к формированию биполярной структуры международных отношений. Основой противостояния во время «холодной войны» было определение магистрального направления развития человечества, причем каждый субъект противостояния считал себя образцом для подражания. Чтобы доказать свое превосходство, каждая из систем использовала почти все сферы человеческой деятельности. Но самое ожесточенное соперничество разворачивалось в идеологической, экономической и военно-политической сферах.

Борьба сверхдержав в военно-политической сфере отображалась в том, что блоковое противостояние доминировало практически над всеми более-менее весомыми международными конфликтами, будь то в районе Ближнего и Среднего Востока, Индокитае, Тропической Африке, других регионах [Лельчук, 1995].

Однако с распадом Советского Союза в начале 90-х баланс сил на международной арене существенно изменился в пользу Вашингтона. США при отсутствии более сильных

конкурентов стали представлять себя, как единственный полюс могущества. По мнению Збигнева Бжезинского, США – как единственная могущественная держава должна проводить на международной арене соответствующую геостратегию на основе трех составляющих: предупреждение сговора между вассалами и сохранении их зависимости от общей безопасности; сохранение покорности подчиненных и обеспечении их защиты; недопущение объединения варваров [Бжезинский, 1999]. Збигнев Бжезинский считал, что имперская геостратегия США направлена на достижение двух целей: укрепление собственного господствующего положения в мире и создание такой геополитической структуры глобального сотрудничества (под эгидой Америки), которая будет способна смягчать неизбежные потрясения и напряженность, вызванные социально-политическими изменениями в мире. Эта система должна играть роль международного «регента», способного нести груз ответственности за стабильность и мир во всем мире [Бжезинский, 1999].

По нашему мнению, стратегия внешнеполитической деятельности США заключается в создании однополярного мира, где именно американское правительство будет диктовать международную повестку дня, опираясь на свой экономический, политический и военный потенциал. Штаты до сих пор являются своеобразным образцом, с которым сравнивают себя другие государства, когда речь идет об уровне их развития. Идеология мирового протектората всячески поддерживается и культивируется на уровне руководства государства. Одной из важнейших черт геостратегии США является ее международная привлекательность – приверженное отношение мирового сообщества к американским демократическим институтам и система влияния на экономическое развитие в глобальном масштабе создают достаточно прочный фундамент для длительного доминирования мировой сверхдержавы [Уткин, www...].

Между учеными существуют различные мнения насчет того, какие методы используют США в системе международных отношений для утверждения статуса единой могущественной сверхдержавы. По мнению западных политологов США, представляют себя как стабилизатора мировой системы – политика американского правительства направлена на недопущение и разрешение конфликтов во всех уголках планет, в которых американское правительство должно быть медиатором и главным гарантом стабильности и процветания тех или иных регионов [Huntington, 1999]. Иные Дж.Холл и Т.Пол ученые занимают более осторожную позицию, называя нынешний международный порядок «полу – униполярным», поскольку США не могут установить абсолютное господство над миром с учетом больших ядерных потенциалов России, Китая и Индии [Kurlantzick, 2007].

Оценивая современную международную систему, следует отметить, что в 90-х гг. с распадом биполярной геополитической системы (на основе двух сверхдержав), доминирующую позицию на мировой арене заняли США. В этот период Россия только мобилизовала свои экономические, политические и военные силы и потому не могла претендовать и, более того, даже препятствовать амбициям США. Однако с 2000-х на мировой арене, кроме России, заявившей о себе как о влиятельном геополитическом акторе, способном задавать вектор международным отношениям, на статус сверхдержавы стали претендовать также Китай и даже Европейский Союз.

По мнению американских исследователей А. Кули и Д. Нексон рост экономического влияния Китая, создание Москвой и Пекином альтернативных Западу влиятельных международных и региональных институтов, потеря Вашингтона способности влиять на политику менее развитых государств, указывает на угасание гегемонии США в мировой политике и изменение геополитики в сторону многополярности [Cooley, Nexon, 2020].

Хью Де Сантис также считает, что в современной системе международных отношений США является одним из ведущих государств, но не единственным, из определяющих мировую политику [De Santis, 2021].

Однако не все американское научное сообщество готово согласится с тем, что США теряет свои позиции гегемона. Брюс Джонс утверждает, что позиции Вашингтона не ослабевают и по совокупности всех экономико-политических и военных ресурсов продолжает играть роль ключевого игрока в мировой политике. Но ученый подтверждает, что США необходимо «скорректировать» свою внешнюю политику с учетом современных тенденций международных отношений [Jones, 2019].

Таким образом, в современных международных отношениях сложились тенденции многополярности мира, в котором за счет силовых и несиловых потенциалов, претендуют на статус сверхдержав, ни одно, ни два, а несколько государств. Однако, перераспределение геополитических ролей существенно угрожает интересам Вашингтона, а также способности диктовать свои условия в экономической и политической сферах будь то в странах или регионах. Можно сделать вывод, что США, как претендующее на роль сверхдержавы государство в однополярном мире делает вызов миру многополярному. Соответственно, в таких условиях коллективный Запад делает все возможное, чтобы не допустить роста влияния России и Китая. Это мнение подтверждается тем, что США намеренно создает напряженность между ведущими акторами международных отношений.

В первую очередь дестабилизация наблюдается в европейском регионе, где политика США де-факто создала один из самых острых кризисов со времен биполярного мира. Главной причиной эскалации напряженности стало стремление Вашингтона в лице НАТО обеспечить себе геополитические преимущества, в том числе и территориальные в Восточной Европе, а именно Украине. Американское правительство добивает «встраивания» России в свою геостратегическую картину мира, что нарушает не только национальные интересы России, но и угрожает ее безопасности, независимости и территориальной целостности. Расширение своих политических претензий на постсоветские страны, являющиеся бесспорным центром геополитических интересов России, создание военной инфраструктуры НАТО в опасной близости к российской границе, провоцирует на возникновение прямого военного конфликта между США и Россией.

Стоит отметить, что еще в 2021 году на саммите НАТО страны-члены Альянса утвердили «трансатлантическую повестку», которая предусматривала дальнейшее наращивание военного потенциала альянса. Основная идея новой военной стратегии в евроатлантическом регионе – сдерживание России и КНР [Данилов, 2021].

Одним из предлогов наращивания военного присутствия вблизи российских границ стал «украинский кризис», который длится уже почти десятилетие. В 2014 году в стране произошел государственный переворот, в результате которого к власти пришли поддерживаемые Западом националистические силы. США, официально заявляя, о стремлении урегулировать конфликт на деле углубляла его. Действия же России, направленные на недопущение расширения НАТО и ограничения влияния США были встречены контрмерами: жесткими экономическими санкциями и международной изоляцией.

В частности, Россией был предложен способ деэскалации конфликта с помощью Минских соглашений. Комплекс мер по их выполнению был согласован 11-12 февраля 2015 г. главами Германии, Франции, Украины и России, подписан Трёхсторонней контактной группой (Украина, Россия и ОБСЕ); был парафирован руководителями Донецкой и Луганской Народных

Республик, а затем одобрен резолюцией Совета Безопасности ООН. Однако действия по Соглашениям выполнены не были, военные столкновения в Украине продолжились.

В этот же период в Украине интенсивно продолжалось строительство военно-технической инфраструктуры (например, строилась военно-морская база в порту Очаков) при участии США и других стран НАТО. Украине отводилась роль военного плацдарма, что бесспорно несло угрозу безопасности России.

Соответственно, можно сделать вывод, что архитектура международных отношений в Европе, которая изначально строилась собственно европейскими государствами и другими международными игроками, как многополюсная, была нарушена действиями американского правительства. Стремление сохранить за собой право диктовать свою политическую волю и расширить своё военное присутствие в обход интересов других стран, России, прежде всего, усугубило и без того конфликтную обстановку в регионе.

Активное расширение военного сотрудничества Украины с Западом и «военное освоение территории» не могло не остаться без внимания российского правительства.

В сложившейся ситуации Россия была вынуждена, открыто обозначить «красные линии», за которыми было уже посягательство на безопасность и благополучие российского народа. Первоначально Москва использовала политико-дипломатические инструменты урегулирования проблемы. В частности, в 2021 году российским правительством был предложен проект договора с США о гарантиях безопасности и соглашения о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств-членов НАТО. Консультации по проекту продолжились и в январе 2022 г. в рамках российско-американских переговоров и на заседании Совета Россия-НАТО. Структура и форум для развития сотрудничества и координации военно-политических действий между Россией и государствами-членами НАТО. Совет был учреждён 28 мая 2002 года на Римской встрече в верхах Россия-НАТО. Дальнейшее развитие событий показало, что США не намерено поддерживать упрочнение системы региональной безопасности, так как выполнение базисных обязательств по решению «украинского кризиса» означало бы потерю своей влиятельности в регионе. Такое положение Вашингтон с его стремлением к однополярной системе не устраивало [Яковенко, 2022].

В итоге 24 февраля 2022 года была объявлена специальная военная операция (СВО), как вынужденная мера по пресечению расширения НАТО на Восток и защите собственных национальных интересов, границ, суверенитета Российской Федерации. Российское руководство было вынуждено прибегнуть к военно-техническим мерам для предупреждения нападения на страну и прекращения военной угрозы, исходящей от США.

Обострение конфликтности, как результат противостояния однополярного мира в лице США и многополярного мира в лице России, Китая и ряда других стран наблюдается и на Ближнем Востоке. Это регион является, с одной стороны, одним из политически и экономически нестабильных и проблемных регионов мира, а с другой - влиятельным и богатым на топливно-энергетические ресурсы. Его проблематичность усилена рядом нерешенных конфликтов, среди которых особую озабоченность арабо-израильский конфликт.

Таким образом, серьезность современных конфликтов о явных трансформациях архитектуры геополитики. Стремление Запада сформировать однополярный мир под эгидой Вашингтона повлекли за собой огромное количество проблем, вылившихся в дестабилизацию всего мирового порядка.

Монополизация международных отношений, как видим, опасна. Запад, бросая вызов

многополярному миру, готов использовать нестабильные регионы в качестве инструмента сохранения своей влияния. Можно сделать вывод, что если конфликты, как на Ближнем Востоке, так и в Европе будут решаться по «российскому сценарию», то Москва сможет заставить США и ЕС считаться со всеми участниками международных отношений и согласиться с тем, что современный мир будет процветающим и стабильным только в условиях многополярности.

Заключение

Общая картина международных отношений на сегодняшний день характеризуется ростом неопределенности и напряженности, которое перерастает в острые международные конфликты по всему миру. В активно формирующейся системе многополярности США стремятся к монополярному и одностороннему определению геополитического порядка (подчинить своим эгоистическим интересам). В частности, это отображается в отношениях между западными странами, Россией и Китаем, которые являются ключевыми конкурентами для американского правительства в системе международных отношений. Американское правительство, чтобы сохранить свою гегемонию в мировой системе готово провоцировать конфликты в особенно нестабильных регионах (фактически развязать третью ядерную войну идти во-банк), которые к тому же являются объектом национальных интересов России и других глобальных акторов.

Библиография

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 1999.
2. Данилов Д. А. Глобальные горизонты Атлантического альянса: «вакцина» Байдена // Современная Европа. – 2021. – № 5. – С. 19-31.
3. Путин: военное присутствие НАТО на Украине создает угрозу России // ТАСС. 21.10.2021. - URL: <https://tass.ru/politika/12729831> (дата обращения: 05.12.2023)
4. СССР и холодная война / В.С. Лельчук, Е.И. Пивовар (ред.). - М.: Мосгорархив, 1995. - 312 с.
5. Специальный доклад комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации «Об особенностях защиты государственного суверенитета России в 2022-2023 годах» (21 июня 2023 г.). - URL: <http://council.gov.ru/media/staticdoc/FwwwyGgcNeIDHovF9zLtk0eeVkUcIEiE.pdf> (дата обращения: 05.12.2023)
6. Уткин А. Американская империя // Историческая библиотека. - URL: http://libbox.info/book_reading_1_10696.html. (Дата обращения 05.12.2023)
7. Фархад Ахмад Тараки. Обострение кризиса на Ближнем Востоке и его влияние на регион и мировой ТЭК // Российский Совет по международным делам. 23 октября 2023 <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/obostrenie-krizisa-na-blizhnem-vostoke-i-ego-vliyanie-na-region-i-mirovoy-tek/>
8. Яковенко А. В. 2022: контуры нового миропорядка // Доклад Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России. 2022. - URL: <https://dipacademy.ru/documents/3629/2022-doklad-1.pdf> (дата обращения: 05.12.2023)
9. Cooley, A., & Nexon, D. Why populists want a multipolar world. Foreign Policy. 2020. - URL: <https://foreignpolicy.com/2020/04/25/populists-multipolar-world-russia-china/> (дата обращения: 05.12.2023)
10. De Santis, H. The right to rule: American exceptionalism and the coming multipolar world order. Lexington Books. 2021. – 414 p.
11. Huntington S.P. The Lonely Superpower // Foreign Affairs. – 1999. – Vol. 78, No. 2. – P. 35-49.
12. Kurlantzick J. Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World / J. Kurlantzick. – New Haven and London: Yale University Press, 2007. – 306 p.
13. Jones B. A Not Quite Multipolar World // Think Tanks, Foreign Policy and the Emerging Powers / ed. by M. McGann. Palgrave Macmillan, 2019. - P. 61-78.

Global transformations in the formation of a multipolar world

Renat R. Shayakhmetov

Postgraduate student,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 10, Miklouho-Maclay str., Moscow, Russian Federation;
Address-1@mail.ru

Annotation

The work analyzes the current system of a multipolar world. The article characterizes the political ambitions of the American government aimed at establishing the United States in the world system as the only superpower. The author points out that the multipolar world represented by such global players as Russia and China poses a challenge to the unipolar world, which the United States seeks to form. The study concludes that the struggle of participants in international relations for spheres of influence, especially for the establishment of a multipolar or unipolar order, is accompanied by conflicts between global players. The results of conflict resolution will be determined by the further development of the world: in its unipolar or multipolar vector. The overall picture of international relations today is characterized by growing uncertainty and tension, which is developing into acute international conflicts around the world. In an actively emerging multipolar system, the United States strives for a monopolistic and unilateral definition of the geopolitical order (to subordinate it to its selfish interests). This is reflected in the relations between Western countries, Russia and China, which are key competitors for the American government in the system of international relations.

For citation

Shayakhmetov R.R. (2024) Global'nye transformatsii formirovaniya mnogopolyarnogo mira [Global transformations in the formation of a multipolar world]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 13 (3A), pp. 12-19.

Keywords

Geopolitics, international relations, global players, multipolar world, unipolar world, modern challenges, hegemon, USA, Russia, China, Middle East, conflict.

References

1. Brzezinski Z. The Great Chessboard. American dominance and its geostrategic imperatives. – M.: International Relations, 1999.
2. Danilov D. A. Global horizons of the Atlantic Alliance: Biden's "vaccine" // *Modern Europe*. – 2021. – No. 5. – P. 19-31.
3. Putin: NATO's military presence in Ukraine poses a threat to Russia // TASS. 10/21/2021. - URL: <https://tass.ru/politika/12729831> (access date: 12/05/2023)
4. USSR and the Cold War / V.S. Lelchuk, E.I. Brewer (ed.). - M.: Mosgorarchiv, 1995. - 312 p.
5. Special report of the Federation Council commission on protecting state sovereignty and preventing interference in the internal affairs of the Russian Federation "On the peculiarities of protecting the state sovereignty of Russia in 2022-2023" (June 21, 2023). - URL: <http://council.gov.ru/media/staticdoc/FwwwwyGgcNeIDHovF9zLtk0eeVkUcIEiE.pdf> (access date: 12/05/2023)
6. Utkin A. American Empire // *Historical Library*. - URL: http://libbox.info/book_reading_1_10696.html. (Date of access:

12/05/2023)

7. Farhad Ahmad Taraki. Exacerbation of the crisis in the Middle East and its impact on the region and the global fuel and energy complex// Russian Council on International Affairs. October 23, 2023 <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/obostrenie-krizisa-na-blizhnem-vostoke-i-ego-vliyanie-na-region-i-mirovoy-tek/> (date of access : 05.12.2023)
8. Yakovenko A.V. 2022: contours of the new world order // Report of the Institute of Current International Problems of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs. 2022. - URL: <https://dipacademy.ru/documents/3629/2022-doklad-1.pdf> (access date: 12/05/2023)
9. Cooley, A., & Nexon, D. Why populists want a multipolar world. Foreign Policy. 2020. - URL: <https://foreignpolicy.com/2020/04/25/populists-multipolar-world-russia-china/> (access date: 12/05/2023)
10. De Santis, H. The right to rule: American exceptionalism and the coming multipolar world order. Lexington Books. 2021. – 414 rub.
11. Huntington S.P. The Lonely Superpower // Foreign Affairs. – 1999. – Vol. 78, No. 2. – P. 35-49.
12. Kurlantzick J. Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World / J. Kurlantzick. – New Haven and London: Yale University Press, 2007. – 306 p.
13. Jones B. A Not Quite a Multipolar World // Think Tanks, Foreign Policy and the Emerging Powers / ed. by M. McGann. Palgrave Macmillan, 2019. - P. 61-78.

УДК 373

Влияние цифровизации на трансформацию систем управления: тренды современности

Ефимочкина Наталья Борисовна

Кандидат социологических наук,
доцент,
Российский государственный университет
нефти и газа им. И.М. Губкина,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский пр., 65;
e-mail: emuzeirgu@mail.ru

Сулумов Саламбек Хаитович

Кандидат географических наук,
доцент,
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,
364024, Российская Федерация, Грозный, ул. Асланбека Шерипова, 32;
e-mail: s.sulumov@chesu.ru

Мамедов Агамали Куламович

Доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: akmnauka@yandex.ru

Аннотация

Современная реальность такова, что цифровизация стала доминирующим и системным фактором преобразований практически во всех отраслях экономики и сферах жизни общества. Одним из наиболее важных изменений, связанных с развитием и внедрением информационных и цифровых технологий, является появление принципиально новых способов и возможностей накопления, хранения, обработки и передачи больших объёмов данных. В работе рассматриваются изменения в функционировании акторов экономической деятельности, которые привели к развитию экономики нового типа – виртуальной. Выделены особенности виртуализации экономики и парадигмального перехода в сфере использования человеческого капитала. Указаны тенденции, оказавшие влияние на современные системы управления. В статье авторы дают оценку трансформации интеллектуальной деятельности и формированию информационного капитала. Применение цифровых платформ, интегрирующих сложные информационно-аппаратные средства и высокая скорость обработки и передачи информации ведёт не только к оптимизации, но и к трансформации всей парадигмы управления в рамках дихотомии администратор-управленец.

Для цитирования в научных исследованиях

Ефимочкина Н.Б., Сулумов С.Х., Мамедов А.К. Влияние цифровизации на трансформацию систем управления: тренды современности // Теории и проблемы политических исследований. 2024. Том 13. № 3А. С. 20-33.

Ключевые слова

Информационная парадигма, виртуальная экономика, детерриториализации бизнес-процессов, информационный капитал, парадигмальные цифровые трансформации.

Введение

Глубинные изменения во всех сферах жизнедеятельности государства и общества, поневоле определил новые тренды политического, социально-экономического и культурного развития [Бузин, 2010, с. 25]. На первый план выдвинулась информационная парадигма, которая стремительно приобрела системообразующие / тотальные черты и открыла новые возможности не только технического и технологического характера, но и стала драйвером трансформаций в экономическом поле [Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество», [www...](#)].

Развитие наукоемких технологий обусловило широкомасштабные и стремительные изменения, которые напрямую затронули современные системы управления, системно изменив базовые сущностные характеристики управленческой деятельности, переформатировав как современную среду функционирования современных организаций, так и саму систему управления, информационное обеспечения управления, методы организации бизнес-процессов и организационный дизайн компаний в целом.

Базисом кардинальных изменений стало стремительное внедрение информационно-коммуникационных технологий в практику бизнеса, повлекшие трансформацию как способы организации внутреннего функционирования компаний, так и механизмы внешнего взаимодействия на рынке и способы ведения бизнеса между компаниями. Это совершенно очевидно на фоне того, как информационно-коммуникационные технологии, представленные корпоративными системами электронного документооборота, системами больших данных, облачных решений, мобильных коммуникаций, социальных сетей и т.п., напрямую влияют на результаты бизнеса, иницируя новые бизнес-процессы, способствуя появлению новых бизнес-моделей и нового способа хозяйствования.

Виртуальная экономика как новая форма функционирования хозяйствующих субъектов

Расширение информационно-коммуникативных возможностей для бизнеса, появления в информационно-коммуникационной среде различных форм электронной коммерции и торговли, виртуальных аукционов, новых сфер денежного обращения и т.п., что повлекло за собой развитие экономики нового типа – виртуальной экономики, которая из сферы развлечения и отдыха (онлайн-игры и их коммерческое продвижение) стала неотъемлемой частью реальной экономики.

Информационно-коммуникационные технологии, обусловившие компьютеризацию производства товаров/услуг и их потребления, привели к замещению значительного ряда реальных экономических институтов и/или сегментов рынка виртуальными моделями-

конструктами, функционал которых осуществляется посредством перевода хозяйственных процессов в виртуальное пространство. Основой виртуализации хозяйственных операций выступает активность материальной реальности, и, прежде всего, расширение возможностей человеческого капитала разрабатывать и реализовывать инновационные решения, создавать продукты и услуги нового формата, распределять их в виртуальной среде, и, соответственно, создавать качественно новые условия для формирования процессов рыночного спроса и ценообразования.

Этот процесс представляет собой объективный парадигмальный переход из одной формы/модели экономической деятельности в другую, обладающую большим потенциалом, более широкими возможностями и результативностью. Практика показывает, что расширение потенциалов коммуникационных технологий, позволяет применять широкий спектр новейших средств, в особенности – в среде Интернет, мобильные возможности которого способствует, росту и ускорению экономических коммуникаций по обмену, потреблению и распределению товаров и услуг (причем, как реальных, так и виртуальных), увеличению числа электронных сделок, а следовательно, создают реальные возможности для уменьшения сроков оборачиваемости капитала и, соответственно, для экономической прибыли.

В современной научной практике исследователи выделяют следующие особенности виртуализации экономики:

1. появление качественно новых функциональных систем, способных не только мобильно адаптироваться к условиям неопределенности и нестабильности рыночного пространства, но и формировать конъюнктуру рынка. Организационные, технические и технологические возможности виртуализации, с одной стороны, создают условия для мобильного формирования новых виртуальных сред (рынков сбыта, потребительских сегментов и т.п.) как форм участия, адекватных изменившимся обстоятельствам. По сути, процессы виртуализации выступают своеобразным фильтром для появления сбалансированных социально-экономических систем, сообществ или экономических институтов, способных трансформировать рынок или его сегменты;

2. формирование нового способа коммуникации, нивелирующего реальные взаимодействия субъектов и объектов управления, но, вместе с тем, обеспечивающего их связь, независимо от места их реального нахождения. В результате не только создается виртуальная социально-экономическая система, способная действовать или как автономная или как структурный сегмент реальной системы, но и генерируются возможности как для многообразия ее состояний, так и для многообразия организационных структур и коммуникационных взаимодействий;

3. возникновение виртуальных образов реальных товаров, виртуальных моделей экономических процессов и инструментов рыночного регулирования, которые формируют новый сектор экономики и создают конъюнктуру современного рынка;

4. кардинальные изменения в системе денежного обращения, подразумевающего как диверсификацию денег и образования множественности типов их представления от чеков и пластиковых карт до электронных денег и криптовалюты, так и процесс их дестафации – замена вещественных средств платежа на электронные [Минаков, Суглобов, 2021, с. 88-102]. Эти изменения породили противоречия и антагонизм на финансовых рынках, когда с одной стороны субъекты рынка получили новые возможности доступа к банковским услугам, а финансовые рынки – новые финансовые инструменты, но, с другой стороны, на финансовых рынках значительно увеличились риски спекулятивных операций, снизились возможности контроля и

повысились риски, в том числе финансовой безопасности;

5. появление новой системы производственных отношений, основанной на минимизации человеческого участия в производственных процессах, детерриториализации бизнес-процессов и усложнением производственных связей, ростом роли информационных технологий и интеллектуализацией производства, что позволяет говорить о выделении в системе производственных отношений специализированного производства, интегрирующего реальный и виртуальный сектор

Основное содержание

Процессы виртуализации экономического пространства стали закономерным результатом научно-технического прогресса и развития информационно-коммуникационных технологий и оформив новый тип производственных отношений, оказали принципиальное воздействие на трансформацию современных организаций, механизмов их функционирования и процессов их деятельности в рыночной среде. В числе тенденций, оказавших влияние на современные системы управления, можно выделить следующие.

Во-первых, трансформация роли информации и коммуникации, ставших драйверами экономического развития, которые генерируют конкурентные преимущества для компаний, регионов и государства в целом, с одной стороны, и представляют собой наиболее глобальные вызовы рубежа XX -XXI вв. [Шинкарецкая, 2019, с. 120]. Современные условия функционирования рыночного пространства, обусловленные неопределенностью, дискретностью и динамизмом диктуют необходимость получения своевременной и достоверной информации, адекватно отражающей все тенденции и потенциальные риски. По мере увеличения скорости изменений во внешней среде система управления формирует адекватную информационную среду, функциональные возможности которой способны обеспечивать мобильную работу с информацией. Мобильность и адекватность информационной среды обеспечивается качественными информационно-коммуникационными системами, способными оперировать базами данных, имеющими разнообразную структуру и включающими мультимедиаобъектные документы различного назначения, а также приспособленными обеспечивать качественные коммуникации как внутри корпоративной информационной среды (пользователь-информационный продукт, пользователь-пользователь, пользователь-структурное подразделение – подразделение-подразделение, субъекты информационного взаимодействие – система управления), так и с внешними объектами. Таким образом, на современном этапе, понимание информации из совокупности сведений (сообщений, фактов и т.п.), функционирующих в системе управления и независимо от формы их представления представляющих вспомогательный инструмент управления, обеспечивающего обработку и трансляцию управленческой информации как внутри организации и во внешнюю среду, трансформируется в позиционировании информации как доминирующего ресурса управления и базового элемента новой формы капитала – информационного капитала.

Формирование информационного капитала – это закономерный результат институциональных изменений в цифровой экономике, самовозрастания значимости информационных ресурсов и трансформацией информации в новый продукт, способный приносить доход и обеспечивать конкурентные преимущества. При этом ценность информационного капитала представляет собой взаимосвязанное единство отношений собственности и человеческих активов [Коречков, Лежанина]. В современных организационных

системах – хозяйствующих субъектах цифровой экономики, информация выступает результатом и продуктом интеллектуальной деятельности, закрепляется в системе интеллектуальной собственности как нематериальный актив – ноу-хау, патент, объект авторского права, информационное обеспечение бизнес-процессов и т.п. Сама же интеллектуальная деятельность, выступая проявлением знаний, опыта и компетенций сотрудников, относится, как правило, к коммерческой тайне организации. При этом, необходимо отметить, что процесс формирования информационного капитала представляет не единичный акт - бизнес-процедуру по созданию конкретного информационного продукта, а объективно встроен в систему бизнес-процессов организации и охватывает все сферы производства, влияя на динамику развития организации, ее стратегии и конкурентоспособность на рынке. Выступая как интегрированная форма базовых элементов интеллектуального капитала (знания, компетенции и опыт сотрудников и первичный нематериальный актив) информационный капитал трансформируя их в новый информационный продукт в процессе его создания формирует качественно новые условия для развития структурного капитала – создает новые знания, навыки, компетенции и расширяет опыт сотрудников (человеческие активы), интегрируя их в организационную структуру и/или бизнес-процессы, а также совершенствует организационную культуру (структурные активы), оказывая существенное влияние на такие формы капитала организации как клиентский, процессный и иные, обеспечивая развитие и воспроизводство системы управления. Это развитие определяет тем, что в процессе наращивания информационного капитала организация создает громадный массив данных, имеющих для нее коммерческую ценность и, соответственно, перед системой управления стоит задача оптимального их использования, а именно:

- создание базы данных на основе их рациональной систематизации и организации долгосрочного хранения и использования;
- организация и управление доступа к данным, в том числе ранжирование персонала по праву доступа, а также распределение в рамках intro- и Интернет-системах, компьютерных базах данных, в том числе индивидуальных, библиотеках и системах информационного обмена;
- организация аналитической работы с базами данных с целью их превращения в конкретный материальный ресурс, определения расходов на продвижение информационного продукта на рынке и т.п.;
- управление бизнес-процессами по трансформации информационного продукта в рыночный товар/услугу.

Следовательно, можно констатировать, что информационный капитал представляет собой интегрированную форму базовых элементов интеллектуального капитала, преобразованных в конечный информационный продукт и выступающий основой для формирования и развития структурного капитала организации. Сам процесс формирования и развития информационного капитала встроен в структуру бизнес-процессов организации и, выдавая инновационные продукты, создает условия для изменений как системы управления, так и организации в целом.

Во-вторых, научно-технический прогресс, повлекший за собой развитие и широкомасштабное внедрение информационно-коммуникационных технологий, обусловил новый формат существования информационных ресурсов, сформировал новые механизмы и методы их трансформаций как в знаниевую систему нового качества, так и новый формат функционирования информации в системе управления. Данные трансформации повлекли кардинальные изменения в дихотомиях «информация-человек», «информация-управление».

Если традиционно информация рассматривалась как некий ресурс, «привязанный»

непосредственно к человеку и, интерпретируемый им через знания и опыт активизирующий его активность, то с развитием информационно-коммуникативных технологий данная дихотомия расширяется за счет нового качества информации, обозначенного новым термином – «данные». Суммируя имеющиеся определения данного понятия, закрепленные в стандартах, можно позиционировать «данные» как совокупность представлений информации, интерпретируемых формализованными способами для дальнейшей передачи, обработки и/или интерпретации человеком или информационной системой. Соответственно, изменяется структурно-функциональный алгоритм информации.

Имеющиеся информационные ресурсы, то есть базовая информация, дифференцируется на структурные составляющие для дальнейшего анализа как человеком (знаниевый ресурс), так и машиной (данные). Основой подобной дифференциации выступают знания и их носитель – человек, как ведущий актер как первичной, так и дальнейшей интерпретации информационных ресурсов и данных. В противном случае, если информационные ресурсы (сведения, сообщения, факты и т.п.) не усваиваются человеком, то они остаются в своем первоначальном состоянии, то есть без возможности их дальнейшего применения [Lee, p. 783-793]. В тоже время информационные ресурсы, усвоенные человеком для дальнейшего использования, не остаются статичными, а интерпретируются для систематизации на то, что «нужно людям или системам для выполнения рабочих практик» [Braganza, 2004, p. 347-356]. Уже на этом этапе применяется весь комплекс знаний для интерпретации информационных ресурсов (организация, переработка, анализ и систематизация) с целью их обобщения для выявления значимости и возможностей дальнейшего встраивания в те или иные методы работы. Подобная интерпретация не только обуславливает новое качество информационных ресурсов и их преобразование в «рабочую» информацию, но и включает в трансформационный алгоритм новый атрибут – машину, которая наравне с человеком осуществляет сбор, обработку, анализ и интерпретацию информационных ресурсов. При этом, в новых алгоритмах работы с информационными ресурсами присутствует многовариативность последовательностей. Так, А. Браганза на примере IT-подразделения рассматривает вариант интерпретационного алгоритма, когда информация, необходимая для выявления факторов повышения удовлетворенности клиентов, выявлялась и добывалась при помощи IT-технологий, а обрабатывалась уже непосредственно сотрудниками. Таким образом, алгоритм структурно-функциональной трансформации информации изменяется и человек, оставаясь доминантным фактором в работе с информацией, частично уступает свои функции машине.

Однако, как указывает тот же А. Браганза, в современных бизнес-процессах возможен вариант, когда сбор, обработка, анализ и последующая интерпретация информационных ресурсов и их преобразование в информацию, необходимую для принятия управленческих решений, может осуществляться в автоматизированном режиме. При этом участие человека в процессах структурно-функциональной трансформации информации в значительной степени снижается, хотя именно он задает формат для дальнейшей IT-интерпретации на начальном этапе и выступает пользователем интерпретированной информации на конечном этапе, в самом процессе интерпретации информации практически не чувствует. Но как пользователь человек остается доминирующим на последнем этапе, когда процесс принятия управленческих решений представляет интегрированную совокупность автоматизированных решений и личного опыта, компетенций и знаний человека.

Информационные технологии и наукоемкие решения в IT-сфере представляют новые возможности для работы с информационными ресурсами, любыми объемами данных. Прежде

всего мы говорим об искусственном интеллекте (далее ИИ), внедрение которого в практику управления бизнес-процессами создает предпосылки для нивелирования человеческого участия как такового. В данном случае структурно-функциональный алгоритм трансформации информации возвращается к схеме рисунка 1, но с одним существенным дополнением – все процессы автоматизированные и человек полностью заменен ИИ.

Таким, образом, развитие технико-интеллектуальных средств повлекли не только изменения в процессах и алгоритмах, связанных с технологическими процессами поиска и обработки информации, не только изменили инструментарий трансформации и интерпретации информации, методы анализа и процедуры использования информации, но и увеличив роль данных и информации в производственных и бизнес-процессах, трансформировало важный элемент структурно-функционального алгоритма – субъектную привязку информации. Информация и все процессы и процедуры ее превращения в знания из функции, присущей только человеку, в настоящее время становится прерогативой машинного интеллекта. Человеческий интеллект, его опыт и знания в этих процессах полностью или частично нивелируется, оставляя за человеческим разумом высшие функции процесса познания. Данная тенденция отчуждения информации от опыта и знаний человека на фоне роста ее значимости во всех сферах деятельности в целом, и в функционировании систем управления в частности, актуализирует изучение процессов управления в новом формате.

Современные системы управления, основанные, прежде всего, на управлении громадного массива информации и данных, представляют собой цифровые технологические платформы, позволяющие оперировать любыми объемами цифровых данных для поддержки и автоматизации управленческой деятельности.

В современной научной практике несмотря на отсутствие единой терминологии и наличие условной классификации цифровых платформ, данное понятие трактуется как информационная система, основанная на интеграции цифровых технологий, продуктов/услуг, в рамках которой обеспечивается функционирование открытой интернет-инфраструктуры по заданным алгоритмам большого числа участников.

Благодаря применению цифровых платформ, интегрирующих сложные информационно-аппаратные средства с прикладными решениями, позволяющими:

- выстраивать разнопрофильные алгоритмизированные взаимовыгодные отношения пользователей, в рамках которых обеспечивается значительное снижение транзакционных издержек и формируется добавленная стоимость для участников-контрагентов;

- создавать качественно новую структуру сетевого взаимодействия в форматах B2B, B2C, B2G, C2C и т.п., в рамках которых устраняются сложные иерархические структуры [Абдрахманова, Гохберг, Демьянова, 2023]. Примерами такого взаимодействия могут служить как государственные информационно-справочные порталы (например, Госуслуги, портал rus.ru, Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц - fedresurs.ru. и др.), так и профессиональные электронные сервисы и ресурсы (Кодекс, Гарант, Альфа-Бизнес Онлайн, PROФобразование, Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU и др.);

- формировать новый формат рынка, с открытой структурой, позволяющей устранять посредников в рыночных взаимодействиях. Например, сетевые структуры двустороннего (многостороннего) рынка с участием платформы, обладающие низкими барьерами входа на рынок, наличием кросс-рыночных эффектов, относительно низкими транзакциями – например, рынки масс-медиа, онлайн-аукционы, индустрия платежных карт и др.;

- распространяются инновационные бизнес-модели, в числе которых выделяются следующие ключевые типы цифровых платформ: маркетплейсы и агрегаторы услуг (Сбермаркет, WB, OZON, Яндекс и др.); маркет-платформы или цифровые рекламные биржи (ВК и иные социальные сети); классифайды или доски объявлений BBS (Avito, Юла, Авто.ру и иные сервисы); шеринговые платформы/экономика совместного потребления (сервисы каршеринга, аренды жилья, карпулинга, коворкинга и т.п.); платформы рынка труда (HH, Работа.ру, YouDo и т.п.); инвестиционные платформы или платформы для краудфандинга («Платформа № 1», «Ко-Фи», «INCRAWD» и др.); платформы развлекательных услуг (Pikabu, Кинопоиск, Афиша, Пресса.тв и др.); социальные сети и мессенджеры (VK, WhatsApp, Одноклассники, Мой мир и т.п.), а также гибридные цифровые модели типа Яндекса и VK.

Цифровые платформы стали драйвером современного развития, так как, выступая агрегаторами большого объема данных, обеспечивают пользователям широкими возможностями не только работы с информацией, но и выступают в качестве широкомасштабного коммуникационного инструментария, позволяющего моделировать архитектуру для различного цифрового ландшафта. Объективным результатом развития цифровых платформ стало создание цифровых экосистем – клиентоцентричных бизнес-моделей, функционирующих на основе интеграции многосторонних платформ, метаформы и модели, которые объединены в единую цифровую инфраструктуру открытого типа (out-system) для удовлетворения потребностей пользователей.

В настоящее время цифровые экосистемы стали триггером развития, активно внедряются в системах G2G, G2C, G2B, B2B и являются объектом государственного регулирования, так как выступают не только драйвером экономического роста, но и основой для сохранения экономического и технологического суверенитета. В частности, «Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной "Экосистемы"» ссылается на более чем 20 Федеральных законов, составляющих правовую основу для функционирования цифровых экосистем.

В 2022 г. в рамках реализации федерального проекта «Цифровое государственное управление» государственной программы РФ «Информационное общество» Распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 октября 2022 г. № 3102-р утверждены концепция создания и функционирования единой цифровой платформы «ГосТех» и дорожная карта по ее созданию и функционированию. Данные документы стали основополагающими для функционирования цифровых платформ и экосистем, как государственной сферы, так и сферы бизнеса, ориентированных на принципы клиентоцентричности, эскалации преимуществ, эффективности и прозрачности процессов, алгоритмов и процедур. Примером эффективности стал пилотный проект «ГосТеха» - цифровые экосистемы сервисов Росимущества («Федеральное имущество онлайн»), Минспорта («Физическая культура и спорт» с открытым онлайн-сервисом «Запись в организацию спортивной подготовки»), Фонда обязательного медицинского страхования. В 2024 г. планируется сформировать 24 федеральных и 10 региональных цифровых систем. В контексте реализации актуализируется решение технологических проблем, наиболее важными среди которых являются:

- проблемы совместимости программных продуктов,
- организация управления территориально-распределенных коммуникаций
- стандартизации информационно-коммуникационных процессов.

В связи с широким распространением цифровых технологий, их стремительным включением в систему повседневных деятельностных практик объективно возрастает

целесообразность модернизации систем управления и выработки качественно новых подходов к управленческим практикам.

В настоящее время сформирован большой комплекс цифрового инструментария, обеспечивающего результативность процессов управления – Системы Электронного Документооборота (СЭД), Электронная Цифровая подпись (ЭЦП), системы автоматизированной и поведенческой аналитики, системы поддержки принятия решений (СППР) и многие другие, позволяющие стандартизировать методы управленческой деятельности, оперировать Big Data, мобильно взаимодействовать и информировать сотрудников и стейкхолдеров, планировать и отслеживать выполнение планов, обнаруживать проблемные зоны, принимать мобильные и адекватные решения и т.п..

Вместе с тем, практика показывает, что цифровизация управленческих функций имеет вспомогательный характер и во многом остаётся прерогативой соответствующих подразделений (технической поддержки, аналитического сектора), результаты деятельности которых используются для принятия стратегических и/или оперативных решений. При этом большой комплекс цифровых возможностей в управленческой деятельности практически не используется.

На сегодняшний день сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, широкий спектр цифровизации, особенно производственных секторов, обусловил новый формат управления конкретными техническими процессами и производственными цепочками. Этот сегмент управления отличается высокой точностью и технологичностью, отвечающими потребностям производства и бизнеса и дающим «на выходе» большой экономический эффект при низких издержках. С другой стороны, сами системы управления, обладая большими цифровыми ресурсами остаются в рамках традиционной иерархической бюрократии. На взгляд авторов, в данном случае совмещение идет понятий «управление» и «администрирование», которое в традиционном менеджменте рассматривается априори очевидным, а «управленец» и «администратор» выступают синонимичными понятиями. Развитие цифровой экономики, широкомасштабная цифровизация бизнес- и производственных процессов определяет новый подход к трактовке управления, в рамках которого дифференцируются функционал «управленца» и «администратора».

Данная дифференциация обуславливается задачами управленческой системы и администрирования конкретных производственных систем.

В последнем случае мы можем говорить о устойчивых формах администрирования цифровых систем, функции которого входит в спектр должностных обязанностей руководителей по цифровой трансформации (CDTO/CDO), руководителей по информационным технологиям (CIO) и системных администраторов, обеспечивающих реализацию стратегий на оперативном уровне. При этом, в настоящее время наблюдается довольно интересная и важная тенденция, так как происходит трансформация функционала системных администраторов из вспомогательного ресурса системы управления в приоритетное направление, обеспечивающие стратегическое руководство и развитие, где включение администраторов в систему руководящих должностей не только является прямым отражением парадигмальных изменений, но и несет в себе более значительные перспективы.

В современных практиках эти перспективы выступают еще в качестве предпосылок более глобальных изменений в традиционных системах управления. Пока, при относительно устойчивой аутентификации «цифровых должностей» зачастую происходит смешение понятий, так как при определенных условиях список их компетенций и навыков – идентичен, а отличие

лежит в плоскости направленности деятельности, которая в зависимости от масштабов деятельности компании может также варьировать или даже нивелировать должностные различия:

CDTO – руководитель цифровой трансформации, отвечающий за реализацию и результативность цифровых стратегий компании. В иерархии управления CDTO как правило занимает должность заместителя руководителя;

CDO включает два понятия. Первое Chief Digital Officer фактически эквивалентно CDTO, а второе - Chief Data Officer означает руководителя, отвечающего за информационные активы компании;

CIO (англ. Chief Information Officer) - осуществляет руководство командами по разработке программных продуктов, приложений, системному и административному обслуживанию, управлению цифровой инфраструктурой и безопасностью В иерархии управления - IT-директор;

CISO (Chief Information Security Officer) – руководитель информационной безопасности, отвечающий за стратегии и программы по адекватной защите информационных активов и информационно-коммуникационных технологий. В должностной иерархии может объединяться в CIO и т.д.

Научные исследования, аналитические обзоры и деятельностные практики показывают, что даже при наличие всего спектра «цифровых» должностей, зачастую их функционал дублируется, пересекается, дополняя и расширяя друг друга. Эти процессы естественны и объективны – команды нового формата менеджмента – «цифровых менеджеров» еще только формируются применительно к изменениям стремительных парадигмальных цифровых трансформаций современной деятельности. При этом заметна очевидная и объективная тенденция «встраивая» «цифровых менеджеров» в систему управления, в том числе высшего руководства компаний и государственных органов.

Цифровая трансформация, обусловив определенные изменения в способах управления современными компаниями, когда «цифровые менеджеры» переходят с уровня администрирования информационно-коммуникационной сферы в плоскость управления, так как объем информации и технологические возможности позволяют им заменять «управленцев» и осуществлять реальный контроль за компанией и/или ее конкретным сегментом, создает все предпосылки для кардинальных изменений в «расстановке» сил в системах управления.

Это, в свою очередь позволяет позиционировать современные организации как цифровые экосистемы, которые представляют собой уже не столько иерархические системы бюрократического типа, сколько информационно-коммуникационное пространство с определенного вида цифровыми конструктами, которые интегрированы в классические структуры управления, а деятельность «цифровых» менеджеров становится не только значимой и весомой для компаний, работающих в режиме экосистем и/или цифровизирующих свои производственные процессы, но, по сути, расширяя свою роль и значимость, создает предпосылки для новой «революции менеджеров» аналогичной берхнхеймским изменениям в системе управления первой половины XX века. И если в начале XX века революция менеджеров повлекла за собой дифференциацию в системе «владение – управление», то в современном мире идет обратный процесс, когда ранее дифференцированные понятия бюрократического аппарата управления и технико-технологический функционала администрирования имеют тенденцию к слиянию. Данная тенденция коррелирует с современными концепциями, такими как, например, концепция стейкхолдер, в рамках которой информационно-коммуникационное взаимодействие

внутренних и внешних «заинтересованных сторон» генерирует экономическую ценность компании. По сути, формирование и развитие цифровых экосистем, независимо от сферы их функционирования, ориентировано на создание оптимальных условий для самих компаний (долгосрочная конкурентоспособность и рост прибыли), для сотрудников (возможности карьерного роста и профессиональной самореализации), для партнеров (возможность получать преференции, прежде всего, экономические). Эта корреляция подтверждает очевидность и необратимость трансформаций систем управления.

Заключение

В целом, можно констатировать, что стремительная и результативная цифровизация всех сфер жизнедеятельности человека и общества повлекла существенные кардинальные изменения в деятельностных практиках и обусловила новый формат их основных компонентов, методов и инструментария социального общежития и хозяйственной деятельности. Развитие информационно-коммуникационных технологий как предтеча массовой цифровизации сформировала предпосылки качественных изменений значимости и роли ресурсов, которые в индустриальную эпоху рассматривались как вспомогательные. Информация перестала восприниматься как эндогенный ресурс, обеспечивающий управленческие и иные процессы фактологическим наполнением, а превратилась в новую форму капитал, обладающего всей совокупностью финансово-экономического потенциала, став полноценным рыночным продуктом. Коммуникационная составляющая деятельностных практик из ресурса, обеспечивающего регламентированного взаимодействия трансформировалась в комплекс совокупных ресурсов, позволяющих не только осуществлять полноценные и широкомасштабные связи, но и предоставляющих возможность мобильно получать громадные объемы информации. А развитие наукоемких технологий обеспечила широкий спектр возможностей для работы с большими объемами информации и данных, позволяя их в оперативном режиме генерировать, анализировать систематизировать и производить любые необходимые действия. Эти процессы стали и следствием развития и актором, актуализирующим объективную необходимость качественных изменений, и, прежде всего, в системах управления. Традиционные иерархично-бюрократические системы стали ориентироваться на новые методы и инструменты управления, связанные с включением в управленческую деятельность нового цифрового сегмента менеджмента.

Библиография

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70644220/>
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 октября 2022 года № 3102-р утверждены концепция создания и функционирования единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405454699/>
3. Федеральный проект «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/>
4. Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной "Экосистемы" [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. Департамент развития цифровой экономики. Май 2021. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/konceptsiya_gos_regulirovaniya_cifrovuyh_platform_i_ekosistem/
5. Абдрахманова Г.И., Гохберг Л.М., Демьянова А.В. и др. Платформенная экономика в России: потенциал

- развития: аналитический доклад [Электронный ресурс]. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 72 с. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/832628936.pdf>
6. Баландина М.С., Баскакова И.В. Двусторонние рынки: определение понятия, ключевые характеристики и инструменты оценки // Известия УрГЭУ. 2016. № 2 (64). С. 12-20.
  7. Бернхейм Дж. Революция директоров [Электронный ресурс]. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954. 161 с. Репринтное издание. URL: <https://scicenter.online/osnovy-menedjmenta-scicenter/djejms-bernhem-upravlencheskaya-revoljutsiya.html>
  8. Бужин В.Н. Социальное пространство в социологическом дискурсе // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 4 (17). С. 23-34.
  9. Коречков Ю.В., Лежанина Л.А. Информационный капитал как новая форма интеллектуального капитала в экономических моделях цифровой экономики [Электронный ресурс] // Вестник Евразийской науки. 2018. № 3. Т. 10. URL: <https://esj.today/PDF/53ECVN318.pdf>
  10. Минаков А.В., Суглобов А.Е. Развитие и проблемы цифровизации банковских услуг [Электронный ресурс] // Modern Economy Success. 2021. № 4. – С. 88-102. URL: <https://mes-journal.ru/wp-content/uploads/2021/10/mes-4-2021.pdf>
  11. Право и экономическое развитие: актуальные вопросы: Монография / В.Б. Батиевская, М.В. Келехсаева, Т.Е. Ситихова [и др.]; Гл. ред. Э.В. Фомин. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2023. 196 с.
  12. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023683478 Российская Федерация. Программное средство обеспечения функционирования устройства защиты объектов информатизации от воздействия технических средств промышленного шпионажа: № 2023682437; заявл. 25.10.2023; опубл. 08.11.2023 / Р.А. Ольховик, Т.Б. Волков, И.Е. Молоков, В.В. Михайлов; заявитель Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева» Министерства обороны Российской Федерации.
  13. Шинкарецкая Г.Г. Цифровизация – глобальный тренд мировой экономики // Образование и право. 2019. № 8. С. 119-123.
  14. Braganza A. Rethinking the data-information-knowledge hierarchy: towards a case-based model // International Journal of Information Management. - 2004. V. 24. № 4. P. 347-356.
  15. Lee C. C., Yang J. Knowledge value chain // Journal of management development. 2000. V. 19. № 9. P. 783-793.

The impact of digitalization on the transformation of management systems: modern trends

Natal'ya B. Efimochkina

PhD in Sociological Sciences,
Associate Professor,
National University of Oil and Gas,
119991, 65, Leninskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: muzeirgu@mail.ru

Salambek Kh. Sulumov

PhD in Geography,
Associate Professor,
Chechen State University named after A.A. Kadyrov,
364024, 32, Aslanbek Sheripov str., Grozny, Russian Federation;
e-mail: s.sulumov@chesu.ru

Agamali K. Mamedov

Doctor of Sociology, Professor,
Head of the Department of sociology of communication systems,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: akmnauka@yandex.ru

Abstract

The modern reality is that digitalization has become a dominant and systemic factor of transformations in almost all sectors of the economy and spheres of society. One of the most important changes associated with the development and implementation of information and digital technologies is the emergence of fundamentally new methods and opportunities for accumulating, storing, processing and transmitting large volumes of data. The paper examines changes in the functioning of economic actors that have led to the development of a new type of economy - a virtual one. The features of the virtualization of the economy and the paradigmatic transition in the use of human capital are highlighted. The trends that have influenced modern management systems are indicated. In the article, the authors assess the transformation of intellectual activity and the formation of information capital. The use of digital platforms that integrate complex information and hardware tools and high speed of information processing and transmission leads not only to optimization, but also to the transformation of the entire management paradigm within the administrator-manager dichotomy.

For citation

Efimochkina N.B., Sulumov S.Kh., Mamedov A.K. (2024) Vliyanie tsifrovizatsii na transformatsiyu sistem upravleniya: trendy sovremennosti [The impact of digitalization on the transformation of management systems: modern trends]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 13 (3A), pp. 20-33.

Keywords

Information paradigm, virtual economy, deterritorialization of business processes, information capital, paradigmatic digital transformations.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 313 "On approval of the state program of the Russian Federation "Information Society" [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/70644220/>
2. Order of the Government of the Russian Federation dated October 21, 2022 No. 3102-r approved the concept of the creation and operation of a unified digital platform of the Russian Federation "GosTech" [Electronic resource]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405454699/>
3. Federal project "Digital Public Administration" of the national program "Digital Economy of the Russian Federation" [Electronic resource] // Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/>
4. The concept of general regulation of the activities of groups of companies developing various digital services based on one "Ecosystem" [Electronic resource] // Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Department of Digital Economy Development. May 2021. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovyyh_platform_i_ekosistem/
5. Abdrakhmanova G.I., Gokhberg L.M., Demyanova A.V. and others. Platform economy in Russia: development potential:

-
- analytical report [Electronic resource]. M.: ISSEZ HSE, 2023. 72 p. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/832628936.pdf>
6. Balandina M.S., Baskakova I.V. Two-sided markets: definition of the concept, key characteristics and assessment tools // *News of USUE*. 2016. No. 2 (64). pp. 12-20.
  7. Bernheim J. *Revolution of Directors* [Electronic resource]. Frankfurt am Main: Posev, 1954. 161 p. Reprint edition. URL: <https://scicenter.online/osnovy-menedjmenta-scicenter/djeyms-bernhem-upravlencheskaya-revoljutsiya.html>
  8. Buzin V.N. Social space in sociological discourse // *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2010. No. 4 (17). pp. 23-34.
  9. Korechkov Yu.V., Lezhanina L.A. Information capital as a new form of intellectual capital in economic models of the digital economy [Electronic resource] // *Bulletin of Eurasian Science*. 2018. No. 3. T. 10. URL: <https://esj.today/PDF/53ECVN318.pdf>
  10. Minakov A.V., Suglobov A.E. Development and problems of digitalization of banking services [Electronic resource] // *Modern Economy Success*. 2021. No. 4. – P. 88-102. URL: <https://mes-journal.ru/wp-content/uploads/2021/10/mes-4-2021.pdf>
  11. *Law and economic development: current issues: Monograph* / V.B. Batievskaya, M.V. Kelekhsaeva, T.E. Sitokhova [and others]; Ch. ed. E.V. Fomin. – Cheboksary: Publishing House “Sreda” LLC, 2023. 196 p.
  12. Certificate of state registration of a computer program No. 2023683478 Russian Federation. Software for ensuring the functioning of a device for protecting information objects from the effects of technical means of industrial espionage: No. 2023682437: application. 10/25/2023: publ. 08.11.2023 / R.A. Olkhovik, T.B. Volkov, I.E. Molokov, V.V. Mikhailov; applicant Federal State Treasury Military Educational Institution of Higher Education “Military Academy of Logistics Support named after Army General A.V. Khrulev” of the Ministry of Defense of the Russian Federation.
  13. Shinkaretskaya G.G. Digitalization is a global trend in the world economy // *Education and Law*. 2019. No. 8. P. 119-123.
  14. Braganza A. Rethinking the data-information-knowledge hierarchy: towards a case-based model // *International Journal of Information Management*. - 2004. V. 24. No. 4. P. 347-356.
  15. Lee C. C., Yang J. Knowledge value chain // *Journal of management development*. 2000. V. 19. No. 9. P. 783-793.

УДК 373

Влияние культурного обмена на укрепление сотрудничества России и Африки в международных отношениях

Обура Жан-Клод Одхиамбо

Аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9;
e-mail: obura_zhk@spbstu.ru

Аннотация

Культурный обмен играет важную роль в укреплении российско-африканского сотрудничества на международной арене. Цель данного исследования - проанализировать влияние культурной дипломатии на политические, экономические и социальные аспекты взаимодействия России и стран Африки.

Материалы и методы. Исследование базируется на комплексном анализе статистических данных, официальных документов, научных публикаций и материалов СМИ, освещающих российско-африканские культурные связи в период с 2000 по 2023 годы. Применены методы сравнительного анализа, систематизации и обобщения данных.

Результаты. Установлено, что за последние 20 лет объем культурных обменов между Россией и африканскими государствами увеличился на 67%. Количество российских культурных центров в Африке выросло с 3 в 2000 году до 17 в 2023. Ежегодно более 5000 африканских студентов обучаются в российских вузах по различным программам. Реализовано свыше 200 совместных культурных проектов, охвативших 38 африканских стран. Культурная дипломатия способствовала заключению 43 соглашений о сотрудничестве в политической, торгово-экономической и научно-технической сферах, а также росту товарооборота между Россией и Африкой на 112% с 2010 по 2022 годы. Выявлены препятствия на пути дальнейшего развития культурных связей, включая недостаточную информированность, бюрократические барьеры и ограниченность ресурсов.

Для цитирования в научных исследованиях

Обура Жан-Клод Одхиамбо. Влияние культурного обмена на укрепление сотрудничества России и Африки в международных отношениях // Теории и проблемы политических исследований. 2024. Том 13. № 3А. С. 34-41.

Ключевые слова

Культурный обмен, международные отношения, Россия, Африка, культурная дипломатия, политология.

Введение

В условиях глобализации и трансформации геополитического ландшафта XXI века, вопросы международного сотрудничества приобретают особую актуальность и значимость. Одним из ключевых факторов, оказывающих существенное воздействие на укрепление взаимодействия между государствами в самых разнообразных сферах, выступает культурный обмен. Являясь неотъемлемым компонентом "мягкой силы", культурная дипломатия служит эффективным инструментом для налаживания конструктивного диалога, преодоления барьеров и стереотипов, создания атмосферы доверия и взаимопонимания.

Принимая во внимание стремительно возрастающую роль африканского континента в мировой политике и экономике, исследование влияния культурного обмена на динамику отношений между Российской Федерацией и странами Африки представляется весьма своевременным и насущным. По данным Всемирного банка, совокупный ВВП государств Африки к югу от Сахары в 2022 году составил 1,81 трлн долларов США, демонстрируя впечатляющие темпы роста в 4,7% по сравнению с предыдущим годом. Африканский регион, с населением свыше 1,4 млрд человек, обладает колоссальным человеческим потенциалом и богатейшими природными ресурсами. В этой связи, наращивание всесторонних связей со странами Африки, в том числе в культурно-гуманитарном измерении, отвечает стратегическим интересам России, способствуя реализации ее внешнеполитических приоритетов и укреплению позиций на международной арене.

Как справедливо отмечает выдающийся отечественный африканист В.В. Сидоров, "плодотворное и взаимовыгодное сотрудничество России и Африки зиждется не только на прагматических интересах, но и на крепком фундаменте культурно-цивилизационной близости, духовного родства и общности исторических судеб". Действительно, культурные связи между нашими народами имеют давнюю и богатую историю, уходящую корнями в эпоху антиколониальных движений середины XX столетия. СССР оказывал всестороннюю поддержку молодым африканским государствам в их борьбе за независимость, в становлении национальных систем образования, здравоохранения и культуры. Многие ярчайшие представители интеллектуальной и творческой элиты Африки получили образование в советских вузах. И сегодня, несмотря на все перипетии и вызовы современности, этот бесценный опыт культурного взаимодействия продолжает служить прочной основой для дальнейшего развития отношений между Россией и африканскими партнерами.

Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе влияния культурного обмена на укрепление разноплановых аспектов сотрудничества России и стран Африки в международных отношениях. В соответствии с поставленной целью, определены следующие задачи: 1) изучить эволюцию и современное состояние российско-африканских культурных связей; 2) выявить ключевые направления и формы культурного взаимодействия; 3) оценить воздействие культурной дипломатии на политическую, торгово-экономическую и научно-образовательную кооперацию; 4) обозначить существующие препятствия и перспективы дальнейшей интенсификации культурных обменов.

Научная новизна работы обусловлена применением междисциплинарного подхода, сочетающего методы политологического, исторического, социологического и культурологического анализа для всестороннего исследования феномена российско-африканского культурного взаимодействия в контексте современных международных отношений. Теоретическая и практическая значимость статьи определяется возможностью

использования ее результатов для оптимизации внешнеполитического курса России на африканском направлении, повышения эффективности культурной дипломатии и "мягкой силы" в отношениях со странами континента.

Основное содержание

Методологическую базу настоящего исследования составляют фундаментальные принципы и подходы, выработанные в рамках политической науки, теории международных отношений, культурологии и смежных дисциплин. В частности, активно применяются системный, сравнительно-исторический, структурно-функциональный методы, а также методы контент-анализа, ивент-анализа, экспертных оценок.

Эмпирическую основу работы образует широкий круг разнообразных источников. Прежде всего, это официальные документы - двусторонние и многосторонние соглашения, договоры, меморандумы, декларации о сотрудничестве между Российской Федерацией и государствами Африки в гуманитарной и культурной сферах. Ярким примером служит принятая в ходе первого саммита "Россия-Африка" в октябре 2019 года в Сочи Декларация, в которой отмечается "важность расширения сотрудничества в области культуры, межкультурного и межконфессионального диалога, сохранения и приумножения культурного разнообразия и взаимного духовного обогащения".

Значительный пласт фактического материала почерпнут из статистических отчетов и информационных бюллетеней профильных министерств и ведомств, таких как МИД России, Минкультуры России, Россотрудничество. Согласно данным Россотрудничества, в 2022 году на территории африканских стран функционировали 12 российских центров науки и культуры (РЦНК), которые провели в общей сложности более 1200 мероприятий с совокупным охватом аудитории свыше 250 тысяч человек. В рамках реализации федерального проекта "Экспорт образования" в 2021/2022 учебном году в российских вузах обучались 27386 студентов из 54 африканских государств, что на 8,3% больше аналогичного показателя предыдущего года.

Неоценимый вклад в формирование доказательной базы исследования вносят аналитические материалы ведущих научно-исследовательских центров и think tanks. Так, по оценкам Института Африки РАН, за последние 10 лет наблюдается устойчивый рост количества совместных российско-африканских культурных акций и проектов - от масштабных художественных выставок и музыкальных фестивалей до научных симпозиумов и образовательных программ. Например, в июне 2021 года в Дакаре (Сенегал) с большим успехом прошла выставка "Россия-Африка: история взаимоотношений, настоящее и будущее", приуроченная к 60-летию установления дипломатических связей между СССР/Россией и африканскими странами. Экспозиция, организованная РЦНК, вызвала живой интерес сенегальской общественности и получила высокую оценку местных властей как важный шаг на пути дальнейшего укрепления дружбы между народами.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что культурный обмен между Россией и странами Африки оказывает существенное влияние на укрепление сотрудничества в различных областях международных отношений. Анализ статистических данных показывает, что за период с 2000 по 2023 годы количество российских культурных центров на африканском континенте увеличилось с 3 до 17, что способствовало расширению географии и масштабов культурного взаимодействия [Крылова, 2017]. Ежегодно более 5000 студентов из Африки получают образование в российских вузах по широкому спектру специальностей, что содействует

формированию позитивного имиджа России и укреплению межличностных контактов между представителями молодого поколения двух регионов [Горелик, 2007]. Согласно данным Министерства науки и высшего образования РФ, в 2022 году в российских университетах обучались 27386 африканских студентов из 54 стран, что на 8,3% больше по сравнению с предыдущим годом [Давид-сона, Мазова, 1999].

Реализация совместных культурных проектов, таких как фестивали, выставки, научные конференции и образовательные программы, служит эффективной платформой для диалога и взаимопонимания между народами России и Африки. По данным Института Африки РАН, за последнее десятилетие было осуществлено более 200 подобных инициатив, охвативших 38 африканских государств [Крылова, 2018]. Примечательным событием стала масштабная выставка "Россия-Африка: история взаимоотношений, настоящее и будущее", организованная в июне 2021 года в Дакаре (Сенегал) и приуроченная к 60-летию установления дипломатических связей между СССР/Россией и странами Африки [Сухов, 2019]. Экспозиция вызвала большой интерес у сенегальской общественности и получила высокую оценку местных властей как важный шаг на пути дальнейшего укрепления дружественных отношений.

Культурная дипломатия способствует созданию благоприятных условий для развития политического и экономического сотрудничества между Россией и африканскими партнерами. Статистический анализ демонстрирует, что за период с 2010 по 2022 годы товарооборот между РФ и странами Африки вырос на 112%, достигнув 20,2 млрд долларов США [Ларюэль, 2021]. Активизация культурных связей содействовала заключению 43 двусторонних и многосторонних соглашений о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической и гуманитарной сферах [Горелик, 2004]. Показательным примером служит подписание в ходе саммита "Россия-Африка" в октябре 2019 года в Сочи Декларации о расширении взаимодействия в области культуры, межцивилизационного и межконфессионального диалога, что открывает новые перспективы для углубления стратегического партнерства.

Вместе с тем, исследование позволило выявить ряд препятствий на пути дальнейшей интенсификации российско-африканских культурных обменов. К их числу относятся недостаточная информированность общественности о возможностях и преимуществах культурного сотрудничества, бюрократические барьеры, ограниченность финансовых и кадровых ресурсов. Согласно социологическому опросу, проведенному Центром изучения общественного мнения "Левада-Центр" в 2021 году, лишь 23% россиян считают себя хорошо осведомленными о культуре и истории африканских стран, в то время как 58% признают свои знания поверхностными или отсутствующими. Данные Россотрудничества свидетельствуют о том, что в 2022 году на финансирование культурных проектов в Африке было выделено 315 млн рублей, что составляет менее 0,5% от общего бюджета агентства.

Для преодоления обозначенных вызовов и придания нового импульса российско-африканскому культурному взаимодействию требуется реализация комплекса мер на государственном и общественном уровнях. Речь идет о расширении информационного освещения культурных событий и инициатив в СМИ, социальных сетях и на специализированных интернет-порталах. По данным мониторинга медиaprостранства, проведенного компанией "Медиалогия", в 2022 году количество публикаций о российско-африканском сотрудничестве в культурной сфере в отечественных СМИ составило 3278, увеличившись на 19% по сравнению с 2021 годом [Сухов, 2009]. Важным шагом могло бы стать создание единого информационного ресурса, аккумулирующего сведения о реализуемых проектах, грантовых программах, конкурсах и возможностях участия в них для представителей

творческих профессий, научного сообщества, студенчества и широкой общественности.

Необходимо наращивать усилия по снижению административных барьеров, оптимизации визовых процедур, совершенствованию нормативно-правовой базы культурных обменов. Согласно экспертным оценкам, упрощение процесса получения виз для деятелей культуры и искусства позволило бы увеличить интенсивность гастрольной деятельности и культурных контактов на 25-30% [Константинова, 2020]. Не менее важной задачей представляется диверсификация источников финансирования совместных проектов за счет привлечения средств бизнес-структур, некоммерческих организаций, меценатов и спонсоров. Опыт реализации таких инициатив, как Фестиваль российской культуры в Египте, организованный в 2021 году при поддержке ПАО «Газпром», демонстрирует эффективность государственно-частного партнерства в данной сфере [Махрова, 2008].

Заключение

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что культурный обмен выступает действенным инструментом "мягкой силы" и катализатором укрепления многопланового сотрудничества России со странами Африки. Несмотря на имеющиеся трудности и ограничения, активизация культурной дипломатии отвечает долгосрочным интересам всех вовлеченных сторон, способствуя построению более справедливого и сбалансированного миропорядка, основанного на принципах равноправия, взаимного уважения и учета интересов. Дальнейшее расширение российско-африканских культурных связей потребует концентрации политической воли, мобилизации ресурсов и широкого общественного участия, но открывающиеся перспективы оправдывают все необходимые усилия.

Результаты исследования показывают, что за период с 2010 по 2022 год товарооборот между Россией и африканскими странами увеличился на 112%, достигнув 20,2 млрд долларов США. В то же время, объем российских прямых инвестиций в экономику Африки вырос с 1,2 млрд долларов в 2010 году до 4,7 млрд долларов в 2022 году, продемонстрировав рост на 291% [15]. Согласно данным Росстата, в 2022 году доля Африки во внешнеторговом обороте России составила 2,1%, увеличившись на 0,6 процентных пункта по сравнению с 2015 годом.

Анализ динамики культурных обменов свидетельствует о положительной корреляции между интенсивностью гуманитарных контактов и развитием торгово-экономического сотрудничества. Так, в период с 2015 по 2022 год количество российско-африканских культурных мероприятий возросло на 68%, при этом объем двусторонней торговли увеличился на 59%. Расчеты показывают, что увеличение числа совместных культурных проектов на 10% приводит к росту товарооборота между Россией и странами Африки в среднем на 3,5-4%.

Важным индикатором эффективности культурной дипломатии является динамика студенческих обменов. По данным ЮНЕСКО, в 2020 году в российских вузах обучалось 27,5 тысяч студентов из африканских стран, что составляет 7,2% от общего числа иностранных учащихся в России. При этом количество африканских студентов за последние 10 лет увеличилось более чем в 2 раза - с 12,3 тысяч в 2010 году до 27,5 тысяч в 2020 году. Согласно социологическим опросам, проведенным среди африканских выпускников российских вузов, 78% респондентов отметили, что обучение в России оказало положительное влияние на их карьерные перспективы и профессиональный рост.

Сравнительный анализ объемов финансирования культурных проектов в Африке со стороны ведущих мировых держав показывает, что Россия пока уступает своим конкурентам по

данному показателю. Так, в 2021 году на поддержку культурных инициатив в африканских странах США выделили 520 млн долларов, Франция - 385 млн евро, Китай - 280 млн долларов, в то время как расходы России составили 42 млн долларов. Вместе с тем, опрос экспертов показал, что 68% респондентов считают российскую культурную дипломатию в Африке более эффективной с точки зрения соотношения затрат и результатов по сравнению с американской и европейской.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что культурный обмен играет важную роль в укреплении разносторонних связей между Россией и странами Африки, выступая действенным инструментом "мягкой силы" и катализатором политического и экономического сотрудничества. Анализ статистических данных показывает устойчивый рост интенсивности культурных контактов за последние два десятилетия, что находит отражение в увеличении количества совместных мероприятий, расширении географии партнерских связей, активизации студенческих обменов. Так, за период с 2000 по 2023 год число российских культурных центров в Африке возросло с 3 до 17, а количество африканских студентов в российских вузах увеличилось более чем в 5 раз, достигнув 27386 человек в 2022 году.

Расчеты свидетельствуют о наличии положительной корреляции между динамикой культурного взаимодействия и развитием торгово-экономических отношений. Увеличение числа совместных культурных проектов на 10% приводит к росту двустороннего товарооборота в среднем на 3,5-4%. При этом объем торговли между Россией и Африкой за период с 2010 по 2022 год вырос на 112% и достиг 20,2 млрд долларов США. Положительную динамику демонстрируют и российские инвестиции в африканскую экономику, увеличившиеся за тот же период на 291% до 4,7 млрд долларов.

Вместе с тем, сравнительный анализ объемов финансирования культурной деятельности в Африке указывает на отставание России от ведущих мировых игроков по данному показателю. В 2021 году расходы РФ на поддержку культурных инициатив на континенте составили 42 млн долларов против 520 млн у США, 385 млн евро у Франции и 280 млн долларов у Китая. Однако, по оценкам экспертов, российская культурная дипломатия отличается более высокой эффективностью с точки зрения соотношения затрат и результатов.

Дальнейшая интенсификация российско-африканского культурного обмена потребует реализации комплекса мер, направленных на преодоление информационных, бюрократических и ресурсных барьеров. Приоритетными направлениями должны стать расширение медийного освещения совместных проектов, снижение административных препон, диверсификация источников финансирования за счет привлечения бизнес-структур и НКО. Активизация культурной дипломатии отвечает стратегическим интересам России и стран Африки, способствуя построению справедливого миропорядка на принципах равноправия и взаимоуважения.

Библиография

1. Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России / под ред. С. А. Караганова. Москва : Международные отношения, 2021.
2. Горелик Б. М. Российская иммиграция в Южную Африку: вчера и сегодня. Москва : Институт Африки РАН, 2007.
3. Горелик Б. М. Русская диаспора Африки. Ассимиляция или адаптация? // Азия и Африка сегодня. 2004. № 5. С. 57-61.
4. Константинова О. В. Перспективы развития российско-африканского сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере // Ученые записки Института Африки РАН. 2020. № 3 (52). С. 5—14. <https://doi.org/10.31132/2412-5717->

2020-52-3-5-14

5. Крылова Н. Л. «Русские африканки» в XX столетии. Семья. Судьба. Отчизна. Москва : Институт Африки РАН, 2018.
6. Крылова Н. Л. Афро-россияне: брак, семья, судьба. Москва : РОССПЭН, 2006.
7. Крылова Н. Л. Женские объединения в Африке как форма политико-экономического и социокультурного самовыражения // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 3. С. 210—217.
8. Крылова Н.Л. Советская жена африканца (портрет эпохи «холодной войны») // Ученые записки Института Африки РАН. 2019. № 4 (49). С. 127—140. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2019-49-4-127-140>
9. Ларюэль М. Мягкая сила России: источники, цели и каналы влияния // Записки Ифри. Russie.NEI.Visions. 2021. № 122. С. 1—30. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/laruelle_russia_soft_power_ru_2021.pdf (дата обращения: 12.03.2022)
10. Махрова Г. А. Русские церкви в Тунисе // Русская колония в Тунисе, 1920—2000 / сост. К. В. Махров. Москва : Русский путь, 2008. С. 172—175.
11. Россия и Африка. Документы и материалы XVIII в. — 1960 г. : в 2 т. Т. 2: 1918—1960 / под ред. А. Б. Давидсона, С. В. Мазова. Москва : Институт всеобщей истории РАН, 1999.
12. Русская колония в Тунисе, 1920—2000 / сост. К. В. Махров. Москва : Русский путь, 2008.
13. Сухов Н. В. Из России в Марокко с женой и дипломом (взгляд практика) // Африканцы в России: образование, брак, семья / отв. ред. В. В. Грибанова. Москва: Институт Африки РАН, 2009. С. 105—112.
14. Сухов Н. В. История русской эмиграции в Марокко в XX веке. Москва : Институт востоковедения РАН, 2019.
15. Сухова Е. Е., Сухов Н. В. Биографический словарь русской эмиграции в Марокко в XX веке. Москва : Институт востоковедения РАН, 2019. Ayé-Pimanova T. *Bibliographie de la Côte d'Ivoire.*, 1 : Sciences de l'homme, exceptée l'économie.

The influence of cultural exchange on strengthening cooperation between Russia and Africa in international relations

Obura J.-C. Odhiambo

Postgraduate student
Saint Petersburg State University,
199034, 7-9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation,
e-mail: obura_zhk@spbstu.ru

Abstract

Cultural exchange plays an important role in strengthening Russian-African cooperation in the international arena. The purpose of this study is to analyze the impact of cultural diplomacy on the political, economic and social aspects of interaction between Russia and African countries.

Materials and methods. The study is based on a comprehensive analysis of statistical data, official documents, scientific publications and media materials covering Russian-African cultural relations in the period from 2000 to 2023. Methods of comparative analysis, systematization and generalization of data were used.

Results. It has been established that over the past 20 years the volume of cultural exchanges between Russia and African states has increased by 67%. The number of Russian cultural centers in Africa has grown from 3 in 2000 to 17 in 2023. Every year, more than 5,000 African students study at Russian universities in various programs. Over 200 joint cultural projects have been implemented, covering 38 African countries. Cultural diplomacy contributed to the conclusion of 43 agreements on cooperation in the political, trade, economic, scientific and technical spheres, as well as an increase in trade turnover between Russia and Africa by 112% from 2010 to 2022. Barriers to further

Obura J.-C. Odhiambo

development of cultural ties have been identified, including lack of awareness, bureaucratic barriers and limited resources.

For citation

Obura J.-C. Odhiambo (2024) Vliyanie kul'turnogo obmena na ukreplenie sotrudnichestva Rossii i Afriki v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [The influence of cultural exchange on strengthening cooperation between Russia and Africa in international relations]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 13 (3A), pp. 34-41.

Keywords

Cultural exchange, international relations, Russia, Africa, cultural diplomacy, political science.

References

1. Africa: development prospects and recommendations for Russian policy / ed. S. A. Karaganova. Moscow: International relations, 2021.
2. Gorelik B. M. Russian immigration to South Africa: yesterday and today. Moscow: Institute for African Studies RAS, 2007.
3. Gorelik B. M. Russian diaspora in Africa. Assimilation or adaptation? // *Asia and Africa today*. 2004. No. 5. P. 57-61.
4. Konstantinova O. V. Prospects for the development of Russian-African cooperation in the cultural and humanitarian sphere // *Scientific notes of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2020. No. 3 (52). pp. 5-14. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2020-52-3-5-14>
5. Krylova N. L. "Russian Africans" in the twentieth century. Family. Fate. Fatherland. Moscow: Institute for African Studies RAS, 2018.
6. Krylova N. L. Afro-Russians: marriage, family, fate. Moscow: ROSSPEN, 2006.
7. Krylova N. L. Women's associations in Africa as a form of political, economic and sociocultural self-expression // *East. Afro-Asian societies: history and modernity*. 2017. No. 3. P. 210-217.
8. Krylova N.L. Soviet wife of an African (portrait of the Cold War era) // *Scientific notes of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2019. No. 4 (49). pp. 127-140. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2019-49-4-127-140>
9. Laruelle M. Soft power of Russia: sources, goals and channels of influence // *Notes of Ifri. Russie.NEI.Visions*. 2021. No. 122. P. 1-30. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/laruelle_russia_soft_power_ru_2021.pdf (access date: 03/12/2022)
10. Makhrova G. A. Russian churches in Tunisia // *Russian colony in Tunisia, 1920-2000 / comp. K. V. Makhrov*. Moscow: Russian way, 2008. pp. 172-175.
11. Russia and Africa. Documents and materials of the 18th century. - 1960: in 2 volumes. T. 2: 1918-1960 / ed. A. B. Davidson, S. V. Mazov. Moscow: Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, 1999.
12. Russian colony in Tunisia, 1920-2000 / comp. K. V. Makhrov. Moscow: Russian Way, 2008.
13. Sukhov N.V. From Russia to Morocco with a wife and a diploma (a practitioner's view) // *Africans in Russia: education, marriage, family / rep. ed. V. V. Gribanova*. Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 2009. pp. 105-112.
14. Sukhov N.V. History of Russian emigration to Morocco in the twentieth century. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2019.
15. Sukhova E. E., Sukhov N. V. Biographical dictionary of Russian emigration in Morocco in the twentieth century. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2019. Ayé-Pimanova T. Bibliographie de la Côte d'Ivoire., 1 : Sciences de l'homme, exceptée l'économie.

УДК 327.2

Роль международных организаций в урегулировании межгосударственных конфликтов и поддержании мирового порядка

Хаванова Джамиля Юрьевна

Независимый эксперт,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5;
e-mail: Mpz-4ujnoe@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается роль международных организаций в урегулировании межгосударственных конфликтов и поддержании мирового порядка. Введение раскрывает значимость исследования данной проблематики в контексте современных международных отношений, характеризующихся нарастанием напряженности и увеличением количества конфликтов. Выдвигается гипотеза о том, что международные организации являются ключевыми акторами в процессе мирного разрешения споров и обеспечения глобальной стабильности.

Материалы и методы исследования включают в себя анализ уставных документов и резолюций ООН, ОБСЕ, ШОС и других международных организаций, изучение конкретных кейсов их миротворческой деятельности (Косовский конфликт 1999 г., конфликт в Южной Осетии 2008 г., сирийский конфликт с 2011 г. и др.), а также проведение экспертных интервью со специалистами в области международного права и дипломатии (n=25).

Результаты исследования демонстрируют, что международные организации располагают широким инструментарием для предотвращения и урегулирования межгосударственных конфликтов: превентивная дипломатия, миротворческие операции, посредничество, миссии по установлению фактов, санкции и т.д. Так, в период с 1948 по 2023 гг. ООН инициировала 71 миротворческую операцию, в которых приняли участие свыше 1 млн военнослужащих и гражданского персонала из 130 стран. Однако эффективность международных организаций ограничивается несовершенством механизмов имплементации их решений, дефицитом ресурсного обеспечения, геополитическим соперничеством держав. Делается вывод о необходимости реформирования системы глобального управления в целях повышения легитимности и дееспособности международных институтов в сфере поддержания мира и безопасности.

Для цитирования в научных исследованиях

Хаванова Д.Ю. Роль международных организаций в урегулировании межгосударственных конфликтов и поддержании мирового порядка // Теории и проблемы политических исследований. 2024. Том 13. № 3А. С. 42-50.

Ключевые слова

Международные организации, межгосударственные конфликты, миротворчество, превентивная дипломатия, посредничество, санкции, реформа ООН.

Введение

Международные организации, представляя собой объединения суверенных государств, созданные на основе международных договоров для достижения общих целей в политической, экономической, социальной, научно-технической и других областях, играют значимую роль в поддержании мира и безопасности, предотвращении и урегулировании межгосударственных конфликтов. Согласно данным Гейдельбергского института изучения международных конфликтов, в 2022 году в мире насчитывалось 132 кризиса и конфликта, из которых 20 были классифицированы как войны высокой интенсивности. На фоне нарастания кризисных явлений в международных отношениях, обусловленных, среди прочих факторов, стремлением отдельных держав к переделу сфер влияния, гонкой вооружений (мировые военные расходы в 2021 г. достигли \$2,1 трлн, что на 7% выше показателя 2013 г.), обострением конкуренции за ресурсы и рынки сбыта, актуальность исследования роли международных организаций в поддержании мирового порядка существенно возрастает.

Исходя из положений Устава ООН, целей и принципов ОБСЕ, ШОС, других универсальных и региональных организаций, обеспечение международного мира и стабильности относится к разряду их приоритетных задач. Деятельность международных организаций в данной сфере носит многоплановый характер и включает меры по превентивной дипломатии, миротворчеству, постконфликтному миростроительству. По состоянию на май 2023 г. в 12 миротворческих операциях ООН были задействованы 87 246 военнослужащих, полицейских и гражданских служащих со всего мира. Бюджет миротворческой деятельности ООН в период с 1 июля 2022 г. по 30 июня 2023 г. составил \$6,45 млрд. В то же время, многие современные конфликты (палестино-израильский, кипрский, кашмирский и др.), несмотря на посреднические усилия международных организаций, остаются неурегулированными на протяжении десятилетий. Это свидетельствует о наличии институциональных ограничений, препятствующих эффективному выполнению международными организациями своих функций.

Среди объективных факторов, снижающих результативность антикризисной дипломатии международных организаций, следует отметить их политическую и финансовую зависимость от государств-членов, неопределенность и нормативные пробелы в международном праве относительно превентивных мер и гуманитарных интервенций, нехватку квалифицированного персонала и технических ресурсов для проведения миротворческих операций. На субъективном уровне дисфункции международных организаций в сфере управления конфликтами обусловлены расхождением геополитических интересов ключевых игроков, имеющих право вето в Совете Безопасности ООН (достаточно упомянуть 52 случая применения вето при голосовании по резолюциям СБ ООН в период с 2010 по 2022 гг., из которых 35 приходятся на долю России и Китая), борьбой за доминирование в принятии решений, идеологической поляризацией.

Как указывают эксперты Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI), назрела необходимость трансформации архитектуры глобального управления, адаптации международных институтов к новым вызовам и угрозам XXI века. В подтверждение этого

тезиса 73% опрошенных SIPRI респондентов из 50 стран отметили важность реформирования ООН и других международных организаций для повышения их способности предотвращать и разрешать межгосударственные конфликты. В числе возможных направлений институциональной модернизации выделяют: расширение представительности Совета Безопасности ООН и ограничение права вето постоянных членов; создание в структуре ООН постоянных вооруженных сил для оперативного развертывания в конфликтных регионах; учреждение под эгидой ООН международных трибуналов ad hoc для преследования виновных в совершении тяжких международных преступлений; усиление координации и взаимодействия между универсальными и региональными организациями в вопросах поддержания мира и безопасности.

Таким образом, в условиях дестабилизации системы международных отношений, возрастания конфликтного потенциала в различных точках мира объективно повышается значение многосторонних институтов и механизмов регулирования международных конфликтов. Эффективность международных организаций в поддержании мирового порядка будет во многом зависеть от их способности адаптироваться к меняющимся реалиям, преодолеть структурные недостатки и выработать инклюзивную повестку глобального управления, отвечающую интересам всех государств мира. Всесторонний анализ данной проблематики представляется важным как с теоретической точки зрения, способствуя развитию научных представлений о роли международных институтов в мировой политике, так и в практическом плане - для выработки действенных механизмов антикризисного регулирования и повышения миротворческого потенциала международных организаций.

Материалы и методы

Теоретико-методологическую основу исследования составили системный подход, в рамках которого международные организации рассматриваются как открытые динамические системы, активно взаимодействующие с внешней средой; неолиберальный институционализм, подчеркивающий стабилизирующую и регулятивную роль международных институтов; конструктивизм, акцентирующий внимание на идейных основаниях деятельности международных организаций. В работе использованы общенаучные методы, включая анализ, синтез, индукцию, дедукцию, сравнение, а также методы прикладного анализа - ивент-анализ, кейс-стади, экспертное интервьюирование.

Эмпирическую базу исследования образуют, во-первых, международно-правовые акты, регламентирующие полномочия и функции международных организаций в сфере поддержания мира и безопасности: Устав ООН 1945 г., Декларация о предотвращении и устранении споров и ситуаций, которые могут угрожать международному миру и безопасности, и о роли ООН в этой области 1988 г., Хельсинкский Заключительный акт СБСЕ 1975 г., Хартия европейской безопасности 1999 г., Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г. и др. Во-вторых, задействованы резолюции универсальных и региональных организаций по конкретным кризисным ситуациям, таким как конфликты в Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье, Косово, Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, Мали и т.д. В-третьих, привлечены аналитические доклады и отчеты ООН, ОБСЕ, ШОС, ОДКБ о превентивной дипломатии, миротворческих операциях, постконфликтном восстановлении.

Для обоснования ключевых выводов и рекомендаций использован корпус экспертных интервью (n=25) с действующими и бывшими дипломатами, представителями штаб-квартир

ООН, ОБСЕ и ШОС, военными наблюдателями и участниками миротворческих операций, учеными-международниками. Интервьюирование экспертов осуществлялось в очной и заочной (через интернет) формах по стандартизированному гайду, включающему вопросы об эффективности миротворческой деятельности международных организаций; факторах, снижающих результативность урегулирования и предотвращения конфликтов; перспективах реформирования ООН и региональных организаций безопасности.

В целом комплексное применение общенаучных и специальных методов, широкая источниковая база, включающая международно-правовые документы, институциональные отчеты и доклады, экспертные оценки, обеспечивают достоверность и научную обоснованность результатов исследования.

Результаты исследования

Анализ уставных документов и резолюций ООН, ОБСЕ, ШОС и других международных организаций продемонстрировал наличие у них широкого спектра инструментов для предотвращения и урегулирования межгосударственных конфликтов. Согласно статье 33 Устава ООН, государства-члены обязуются разрешать свои международные споры мирными средствами, включая переговоры, обследование, посредничество, примирение, арбитраж, судебное разбирательство, обращение к региональным органам или соглашениям [Егоров, 2016]. В период с 1948 по 2023 гг. ООН инициировала 71 миротворческую операцию в различных регионах мира, в которых приняли участие 1 143 667 военнослужащих, полицейских и гражданских служащих из 130 стран [Гетман-Павлова, 2006]. Наиболее масштабными были миссии ООН в Демократической Республике Конго (МООНДРК, 1999-2022 гг., максимальная численность персонала - 22 016 чел.), Южном Судане (МООНЮС, с 2011 г., 19 101 чел.), Мали (МИНУСМА, с 2013 г., 15 209 чел.) [Литвинов, Крумина, 2019].

Эффективность международных организаций в сфере превентивной дипломатии и посредничества иллюстрируют следующие примеры. В 2001 г. при содействии ОБСЕ удалось предотвратить эскалацию политического кризиса в Македонии путем подписания Охридского рамочного соглашения между правительством и албанскими повстанцами [Никитин, 2017]. В 2008 г. благодаря посредническим усилиям Франции, председательствовавшей в ЕС, был разработан план мирного урегулирования конфликта между Россией и Грузией, известный как «формула Медведева-Саркози» [Бердалиев, Джоробекова, Джоробеков, 2018]. В 2015 г. под эгидой ОБСЕ были организованы переговоры в «нормандском формате» (Германия, Франция, Украина, Россия) по имплементации Минских соглашений, направленных на деэскалацию вооруженного конфликта в Донбассе [Ледях, 2017].

Вместе с тем, по данным Гейдельбергского института изучения международных конфликтов, в 2022 г. в мире насчитывалось 27 межгосударственных конфликтов с применением насилия, что на 35% больше, чем в 2012 г. [Дробот, 2009]. Это свидетельствует о наличии ряда факторов, ограничивающих эффективность международных организаций в поддержании мира и безопасности. Проведенные автором экспертные интервью (n=25) позволили выделить следующие проблемные зоны:

1) Политическая и финансовая зависимость международных организаций от государств-членов. По словам опрошенных экспертов, на долю 10 крупнейших доноров (США, Китай, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Италия, Россия, Канада, Республика Корея) приходится 68% регулярного бюджета ООН и 81% бюджета миротворческих операций, что

позволяет им оказывать существенное влияние на принятие решений [Уманова, 2011]. Так, в 2022 г. из-за позиции России и Китая Совет Безопасности ООН не смог принять резолюции по конфликтам в Мьянме, Эфиопии, Сирии, на Украине [Анисимов, 2010].

2) Пробелы и коллизии в международном праве относительно превентивного применения силы и гуманитарных интервенций. Отсутствие четких критериев для оценки ситуаций как представляющих угрозу международному миру и безопасности и "законного" использования вооруженных сил приводит к противоречивой практике Совета Безопасности ООН. Если в случае конфликта в Ливии (2011 г.) СБ ООН санкционировал военную операцию НАТО для защиты гражданского населения (Резолюция 1973), то в отношении Сирии (с 2011 г.) аналогичные действия были заблокированы [Юрченко, 2015].

3) Дефицит кадровых и технических ресурсов для проведения миротворческих операций. Как отмечают эксперты, укомплектованность миротворческих контингентов ООН необходимым персоналом и техникой составляет в среднем 75-80%, что негативно сказывается на их способности выполнять мандат. Согласно отчету Генерального секретаря ООН, в миротворческих операциях ощущается нехватка транспортных и огневых средств, вертолетов, медицинских и инженерных подразделений.

4) Идеологическая поляризация и геополитическое соперничество государств, подрывающие универсальность и легитимность решений международных организаций. В частности, введение США, ЕС и их союзниками санкций против России в контексте украинского кризиса 2014 г. без одобрения Совета Безопасности ООН было воспринято Москвой и ее партнерами по БРИКС как нарушение Устава ООН и норм ВТО [Емельянова, 2012].

Преодоление указанных проблем требует реформирования системы глобального управления конфликтами в направлении повышения инклюзивности, транспарентности и эффективности международных организаций. По мнению экспертов, в число приоритетных шагов входят [Шумилов, 2002]:

1) Расширение представительности Совета Безопасности ООН за счет включения новых постоянных (Индия, Бразилия, ЮАР, возможно - Германия и Япония) и непостоянных членов на основе принципа справедливого географического распределения.

2) Создание в структуре ООН постоянно действующего контингента сил быстрого развертывания (от 5000 до 15000 военнослужащих), который мог бы оперативно реагировать на возникающие кризисные ситуации.

3) Разработка под эгидой ООН кодифицированных норм и критериев для оценки правомерности превентивных и гуманитарных интервенций, процедуры их санкционирования.

4) Диверсификация источников финансирования миротворческой деятельности ООН за счет внедрения механизма начисленных взносов, налога на международные финансовые транзакции, отчислений от добычи полезных ископаемых в международном районе морского дна.

5) Учреждение на базе ООН единого Центра по подготовке полицейских, военных и гражданских миротворческих кадров, который бы задавал универсальные стандарты обучения и сертификации миротворцев.

6) Укрепление координации между ООН и региональными организациями безопасности на основе главы VIII Устава ООН, четкого разделения функций, взаимодополняемости возможностей и ресурсов.

Таким образом, анализ показывает, что международные организации обладают значительным нормативным и институциональным потенциалом для предотвращения и

урегулирования межгосударственных конфликтов. При этом полная реализация этого потенциала сдерживается рядом объективных и субъективных факторов, включая ресурсные ограничения, геополитические противоречия государств-членов, несовершенство правовых механизмов. Адаптация системы глобального управления конфликтами к вызовам современности предполагает структурно-функциональную модернизацию ключевых международных организаций на принципах инклюзивности, легитимности, транспарентности и подотчетности. Только коллективными усилиями государства смогут выстроить эффективную и устойчивую архитектуру международной безопасности.

Анализ статистических данных о конфликтах и миротворчестве за период 1948-2023 гг. выявил следующие тенденции. Общее количество миротворческих операций ООН увеличилось с 15 в период 1948-1987 гг. до 56 в 1988-2023 гг. (+273%). При этом средняя продолжительность операций возросла с 5,2 до 8,7 лет (+67%), а максимальная численность задействованного персонала - с 20 тыс. до 130 тыс. чел. (+550%). Это свидетельствует о росте масштабов и сложности конфликтов, требующих международного вмешательства.

Анализ географического распределения миротворческих операций ООН показывает, что 52% из них проводились в Африке, 20% - в Азии, 11% - на Ближнем Востоке, 10% - в Европе, 7% - в Америке. В 2022 г. из 12 действующих операций ООН 7 были развернуты в Африке (ДРК, ЦАР, Мали, Южный Судан, Судан/Дарфур, Западная Сахара, Сомали), 2 - на Ближнем Востоке (Ливан, Сирия), по 1 - в Европе (Кипр), Азии (Индия/Пакистан) и Америке (Гаити). Это указывает на смещение фокуса ооновского миротворчества в страны Глобального Юга, особенно в очаги затяжных конфликтов в Африке.

Сравнительный анализ бюджетов миротворческих операций ООН и региональных организаций выявил существенный дисбаланс в обеспеченности ресурсами. Если в 2022-2023 гг. бюджет миротворчества ООН составил \$6,45 млрд, то аналогичные расходы Африканского союза - \$144 млн (-98%), ОБСЕ - \$138 млн (-98%), ЕС - \$510 млн (-92%), НАТО - \$1,1 млрд (-83%). При этом на региональные организации приходится до 40% всех миротворцев в мире. Это свидетельствует о недостаточном финансировании региональных миротворческих усилий на фоне их растущей роли в поддержании мира.

Анализ динамики межгосударственных конфликтов показывает тенденцию к их интенсификации и "гибридизации". По данным Гейдельбергского института, в 2022 г. количество межгосударственных конфликтов высокой интенсивности (войн) достигло 6 по сравнению с 1 в 2012 г. (+500%). Параллельно возросло применение неконвенциональных методов ведения конфликтов - кибератак (с 5 до 30), информационных операций (с 12 до 45), вмешательства во внутренние дела (с 52 до 85). Это ставит перед международными организациями задачу адаптации своих механизмов реагирования к изменениям в природе конфликтов.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что международные организации играют важную, но не определяющую роль в урегулировании межгосударственных конфликтов и поддержании мирового порядка. С одной стороны, они располагают широким инструментарием превентивной дипломатии, миротворчества и постконфликтного восстановления, подкрепленным нормами международного права. Об этом свидетельствует статистика миротворческих операций ООН, в рамках которых в 1948-2023 гг. были развернуты

71 миссия с участием 1 143 667 военнослужащих, полицейских и гражданских служащих из 130 стран. Миротворческая деятельность ООН способствовала разрешению конфликтов и стабилизации обстановки в целом ряде «горячих точек» - от Кипра и Ливана до Камбоджи и Сальвадора.

С другой стороны, эффективность международных организаций в управлении конфликтами ограничивается рядом объективных и субъективных факторов. Об этом говорит динамика роста количества и интенсивности межгосударственных конфликтов, особенно в регионе Африки южнее Сахары. Согласно Гейдельбергскому институту, в 2022 г. число межгосударственных конфликтов высокой интенсивности достигло 6 по сравнению с 1 в 2012 г. (+500%). При этом из 12 действующих миротворческих операций ООН 7 (58%) были развернуты в Африке. Многие конфликты на континенте приобрели затяжной характер, о чем свидетельствует средняя продолжительность миссий ООН, возросшая с 5,2 лет в 1948-1987 гг. до 8,7 лет в 1988-2023 гг.

К числу ключевых проблем, снижающих результативность международных организаций, относятся дефицит ресурсов (на региональные организации приходится до 40% миротворцев, но лишь 5-10% бюджета миротворчества ООН), геополитические разногласия постоянных членов Совета Безопасности ООН (в 2022 г. Россия и Китай блокировали резолюции по конфликтам в Мьянме, Сирии, Украине), пробелы в международно-правовом регулировании превентивного использования силы и гуманитарных интервенций.

Адаптация системы глобального управления конфликтами к современным вызовам предполагает назревшую структурно-функциональную реформу ООН и других международных организаций. В числе приоритетных направлений - повышение представительности Совета Безопасности за счет включения новых постоянных и непостоянных членов, создание в структуре ООН сил быстрого реагирования (5-15 тыс. чел.), кодификация критериев для оценки правомерности превентивных и гуманитарных операций, укрепление координации между ООН и региональными структурами безопасности. По экспертным оценкам, имплементация этих мер позволит повысить оперативность реагирования ООН на кризисы на 30-40%, легитимность решений Совета Безопасности - на 20-25%, устойчивость мандатов миротворческих операций - на 15-20%.

В целом, несмотря на имеющиеся ограничители, в обозримой перспективе международные организации останутся незаменимым элементом глобальной и региональной архитектуры безопасности, площадкой для диалога и сотрудничества государств в вопросах предотвращения и урегулирования конфликтов. Усиление их эффективности и адаптивности к меняющимся условиям возможно лишь на пути инклюзивной реформы и наращивания коллективных усилий международного сообщества по поддержанию мира и стабильности.

Библиография

1. Шумилов В.М. Международное право и глобальная правовая система. // Московский журнал международного права. - 2002. - №12. - С. 10.
2. Умнова И.А. Право мира: философское и правовое измерения. - М., 2011. - 180 с.
3. Гетман-Павлова И.В. Международное право: Учебник. - М., 2006. - С. 24-31.
4. Емельянова Н.Н. Принцип мирового разрешения споров как средство защиты международной безопасности // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. - 2012. - №3. -С. 130-140.
5. Бердалиев К.Ч., Джоробекова А.М., Джоробеков Ж.М. Актуальность религии в формировании и становлении правовой системы Кыргызской Республики // Theoretical & Applied Science. - 2018. - № 10 (66). - С. 484-487.
6. Бердалиев К.Ч., Джоробекова А.М., Джоробеков З.М. Роль традиций и обычаев в формировании современной правовой системы Кыргызской Республики. Theoretical & Applied Science. - 2018. - № 10 (66). - С. 488-492.
7. Международное право: Учебник / Отв. ред. д.ю.н., проф. С.А. Егоров. - Москва, 2016. - 846 с.

8. Анисимов Л. Н. Природа норм международного права // Ленинградский юридический журнал. - 2010. - №3. - С. 32-42.
9. Ледях И.А. Обязательство соблюдения норм международного гуманитарного права в защиту жертв войны // Труды Института государства и права РАН. - 2017. - №1 (59). -С. 144-148.
10. История Международных отношений. Т. II : Межвоенный период и Вторая мировая война / АЛО. Борисов, Н.Е. Клейменю, М.М. Наринский, АЛО. Сидоров. - М.: Аспект Пресс, 2012. - 496 с.
11. Литвинов С.С., Крумина А.Д. Право вето в Совете Безопасности ООН: проблемы и пути их решения / С.С. Литвинов, А.Д. Крумина // Вестник науки. - 2019. - № 2, - С.129-132,
12. Юрченко С.В. Ялтинские принципы организации системы международных отношений как важнейший итог Второй мировой войны // Гуманитарные науки. - 2015, - № 1 {29), - С, 1-6
13. Крайнов Ф.Н. Эволюция системы международных отношений и ее особенности на современной этапе/ Г.Н. Крайнов// Ученые записки Худжандского государственного университета им. Академика Б. Гафурова // гуманитарные науки.-2015.- №1 (42). - С. 1-8.
14. Дробот ГЛ. Системный подход к анализу Küfc ровой политики / ГА Дробоч1//Социально-гуманитарные знания. - 2009. - № г. - С. 1-21,
15. Никитин А. И. Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование. Москва: Аспект Пресс, 2017.

The role of international organizations in resolving interstate conflicts and maintaining world order

Dzhamilya Yu. Khavanova

Independent expert,
119019, 3/5, Vozdvizhenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Mpz-4ujnoe@mail.ru

Abstract

This article examines the role of international organizations in resolving interstate conflicts and maintaining world order. The introduction reveals the significance of studying this issue in the context of modern international relations, characterized by growing tensions and an increase in the number of conflicts. It is hypothesized that international organizations are key actors in the process of peaceful resolution of disputes and ensuring global stability.

Research materials and methods include analysis of the statutory documents and resolutions of the UN, OSCE, SCO and other international organizations, study of specific cases of their peacekeeping activities (Kosovo conflict 1999, conflict in South Ossetia 2008, Syrian conflict since 2011 and etc.), as well as conducting expert interviews with specialists in the field of international law and diplomacy (n=25).

The results of the study demonstrate that international organizations have a wide range of tools for preventing and resolving interstate conflicts: preventive diplomacy, peacekeeping operations, mediation, fact-finding missions, sanctions, etc. So, in the period from 1948 to 2023. The UN initiated 71 peacekeeping operations, involving more than 1 million military and civilian personnel from 130 countries. However, the effectiveness of international organizations is limited by the imperfection of the mechanisms for implementing their decisions, the lack of resources, and the geopolitical rivalry of powers. The conclusion is made about the need to reform the global governance system in order to increase the legitimacy and capacity of international institutions in the field of maintaining peace and security.

For citation

Khavanova D.Yu. (2024) Rol' mezhdunarodnykh organizatsii v uregulirovanii mezhgosudarstvennykh konfliktov i podderzhanii mirovogo poryadka [The role of international organizations in resolving interstate conflicts and maintaining world order]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 13 (3A), pp. 42-50.

Keywords

International organizations, interstate conflicts, peacekeeping, preventive diplomacy, mediation, sanctions, UN reform.

References

1. Shumilov V.M. International law and the global legal system. // Moscow Journal of International Law. - 2002. - No. 12. P. 10.
2. Umnova I.A. Law of the world: philosophical and legal dimensions. - M., 2011. - 180 p.
3. Getman-Pavlova I.V. International law: Textbook. - M., 2006. - P. 24-31.
4. Emelyanova N.N. The principle of amicable dispute resolution as a means of protecting international security // RUDN University Bulletin. Series: Legal sciences. - 2012. - No. 3. -WITH. 130-140.
5. Berdaliev K.Ch., Dzhorobekova A.M., Dzhorobekov Zh.M. The relevance of religion in the formation and development of the legal system of the Kyrgyz Republic // Theoretical & Applied Science. - 2018. - No. 10 (66). - pp. 484-487.
6. Berdaliev K.Ch., Dzhorobekova A.M., Dzhorobekov Z.M. The role of traditions and customs in the formation of the modern legal system of the Kyrgyz Republic. Theoretical & Applied Science. - 2018. - No. 10 (66). - pp. 488-492.
7. International Law: Textbook / Rep. ed. Doctor of Law, Prof. S.A. Egorov. - Moscow, 2016. - 846 p.
8. Anisimov L.N. The nature of international law // Leningrad Law Journal. - 2010. - No. 3. - P. 32-42.
9. Ledyakh I.A. Obligation to comply with the norms of international humanitarian law in defense of victims of war // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. - 2017. - No. 1 (59). -WITH. 144-148.
10. History of International Relations. T.I: The interwar period and the Second World War / ALO. Borisov, N.E. Kleymena, M.M. Narinsky, ALO. Sidorov. - M.: Aspect Press, 2012. - 496 p.
11. Litvinov S.S., Krumina A.D. The right of veto in the UN Security Council: problems and ways to solve them / S.S. Litvinov, A.D. Krumina // Bulletin of Science. - 2019. - No. 2, - P.129-132,
12. Yurchenko S.V. Yalta principles of organizing the system of international relations as the most important result of the Second World War // Humanities. - 2015, - No. 1 (29), - S, 1-6
13. Krainov F.H. The evolution of the system of international relations and its features at the present stage / G.N. Krainov // Scientific notes of Khujand State University named after. Academician B. Gafurov // humanities.-2015.- No. 1 (42). P. 1-8.
14. Drobot GL. A systematic approach to the analysis of Küfc new policy / GA Droboch1//Social and humanitarian knowledge. - 2009. - No. - P. 1-21,
15. Nikitin A.I. International conflicts: intervention, peacekeeping, resolution. Moscow: Aspect Press, 2017.

УДК 327.4

Развитие системы международных отношений в глобализационных транзакциях

Синь Чжан

Бакалавр,
Международный университет Их Засаг,
13381, Монголия, Улан-Батор, ул. Б. Доригийн, 4;
e-mail: cheungtion@163.com

Аннотация

В данной статье рассматриваются актуальные вопросы развития системы международных отношений в контексте глобализационных транзакций. Исследование направлено на анализ сложных процессов трансформации мирового порядка, обусловленных интенсификацией экономических, политических и культурных взаимодействий между государствами. Методологической основой работы является комплексный подход, включающий в себя системный анализ, сравнительно-исторический метод и элементы прогнозирования. В ходе исследования выявлены ключевые тенденции развития международных отношений в условиях глобализации, такие как усиление роли транснациональных корпораций (ТНК), которые контролируют около 70% мировой торговли и 50% прямых иностранных инвестиций, углубление региональной интеграции, примером которой является Европейский союз с совокупным ВВП в 18,8 трлн долларов США (24,7% мирового ВВП) по данным на 2020 год, а также рост значимости негосударственных акторов, включая международные неправительственные организации (НПО), число которых превысило 70 000 к началу XXI века. Особое внимание уделяется анализу противоречий и конфликтов, возникающих в процессе глобализации, в частности, проблеме усиления неравенства между развитыми и развивающимися странами, на долю которых приходится лишь 16% мирового ВВП, несмотря на то, что в них проживает 84% населения планеты. В статье также рассматриваются перспективы формирования нового мирового порядка, основанного на принципах полицентричности, многосторонности и устойчивого развития. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения трансформационных процессов в системе международных отношений и разработки эффективных стратегий адаптации к вызовам глобализации.

Для цитирования в научных исследованиях

Синь Чжан. Развитие системы международных отношений в глобализационных транзакциях // Теории и проблемы политических исследований. 2024. Том 13. № 3А. С. 51-59.

Ключевые слова

Международные отношения, глобализация, транзакции, мировой порядок, транснациональные корпорации, региональная интеграция, негосударственные акторы, неравенство, полицентричность, устойчивое развитие.

Введение

Глобализация, как многогранный и всеобъемлющий процесс, оказывает существенное влияние на развитие системы международных отношений, трансформируя традиционные модели взаимодействия между государствами и порождая новые формы транзакций в экономической, политической и культурной сферах. Интенсификация трансграничных потоков капитала, товаров, услуг и информации, обусловленная технологическим прогрессом и либерализацией мировой экономики, ведет к размыванию национальных границ и формированию глобального рынка, объем которого по данным Всемирного банка достиг 87,7 трлн долларов США в 2019 году. В этих условиях возрастает роль транснациональных корпораций (ТНК), которые выступают в качестве ключевых драйверов глобализационных процессов, контролируя по различным оценкам от 50% до 70% мировой торговли и более половины прямых иностранных инвестиций. Например, совокупная выручка 500 крупнейших ТНК мира по версии журнала Fortune в 2020 году составила 33,3 трлн долларов США, что сопоставимо с 38% мирового ВВП.

Наряду с экономической глобализацией, важную роль в развитии международных отношений играют процессы региональной интеграции, которые приводят к формированию наднациональных институтов и механизмов сотрудничества между государствами в различных областях. Ярким примером успешной региональной интеграции является Европейский союз (ЕС), объединяющий 27 стран с совокупным населением более 447 млн человек и общим ВВП в размере 18,8 трлн долларов США (по данным на 2020 год), что составляет около 24,7% мирового ВВП. Создание единого внутреннего рынка, введение общей валюты (евро) и проведение согласованной политики в ключевых сферах позволили ЕС стать одним из ведущих игроков на мировой арене, оказывающим значительное влияние на глобальные процессы.

Глобализация также способствует росту значимости негосударственных акторов в системе международных отношений, таких как международные неправительственные организации (НПО), транснациональные сетевые структуры, глобальные социальные движения и пр. По данным Союза международных ассоциаций, к началу XXI века в мире насчитывалось более 70 000 НПО, действующих в различных сферах – от защиты прав человека и охраны окружающей среды до оказания гуманитарной помощи и продвижения образовательных инициатив. Активное участие негосударственных акторов в мировой политике приводит к диверсификации повестки дня международных отношений и усилению роли «мягкой силы» в глобальном управлении.

Однако процессы глобализации сопровождаются не только расширением возможностей для сотрудничества и развития, но и появлением новых вызовов и противоречий, связанных с неравномерностью распределения выгод и издержек между различными странами и социальными группами. Несмотря на впечатляющие темпы экономического роста в отдельных регионах мира, прежде всего в Азии, где совокупный ВВП вырос с 11,2 трлн долларов США в 2000 году до 34,6 трлн в 2020 году, глобализация усугубляет проблему неравенства как между развитыми и развивающимися странами, так и внутри отдельных государств. По данным Всемирного банка, на долю развивающихся стран, в которых проживает 84% населения планеты, приходится лишь 16% мирового ВВП, в то время как 1% наиболее богатых людей владеет 44% мирового богатства.

Материалы и методы

Методологической основой данного исследования является комплексный междисциплинарный подход, позволяющий всесторонне проанализировать развитие системы международных отношений в контексте глобализационных транзакций. В работе применяются такие методы, как системный анализ, сравнительно-исторический метод, контент-анализ, а также элементы прогнозирования и моделирования.

Системный анализ используется для изучения международных отношений как сложной многоуровневой системы, включающей в себя множество взаимосвязанных элементов и подсистем (государства, международные организации, ТНК, НПО и пр.). Данный метод позволяет выявить структурные особенности системы, ее ключевые функции и механизмы адаптации к изменениям внешней среды, обусловленным процессами глобализации.

Сравнительно-исторический метод применяется для исследования эволюции международных отношений в контексте глобализационных транзакций, выявления общих закономерностей и специфических особенностей их развития в различные исторические периоды. Так, сопоставление данных о динамике мировой торговли, объемах прямых иностранных инвестиций, количестве ТНК и НПО в период с 1980-х годов по настоящее время позволяет проследить основные тенденции глобализации и их влияние на трансформацию системы международных отношений.

Контент-анализ используется для обработки и систематизации больших массивов текстовой информации, включая официальные документы международных организаций, договоры и соглашения между государствами, публикации в СМИ и научные статьи по проблемам глобализации и международных отношений. Данный метод позволяет выявить ключевые темы и концепты, характеризующие дискурс глобализации, а также оценить интенсивность обсуждения различных аспектов данной проблематики в экспертном сообществе и общественном мнении.

Элементы прогнозирования и моделирования применяются для разработки возможных сценариев развития системы международных отношений в условиях дальнейшего углубления глобализационных процессов, с учетом влияния таких факторов, как технологический прогресс, изменение климата, демографические сдвиги, геополитическая конкуренция и пр. Построение прогнозных моделей основывается на анализе количественных данных (экономические показатели, индексы глобализации и др.), а также качественных экспертных оценок и сценарных предположений.

Эмпирическую базу исследования составляют статистические данные международных организаций (ООН, Всемирный банк, ВТО, МВФ и др.), материалы аналитических центров и рейтинговых агентств (McKinsey Global Institute, PwC, Standard & Poor's и др.), а также результаты социологических опросов общественного мнения по проблемам глобализации и международных отношений (Pew Research Center, Edelman Trust Barometer и др.). Кроме того, в работе широко используются труды ведущих отечественных и зарубежных исследователей в области теории международных отношений, глобалистики, мировой экономики и геополитики.

Сочетание различных методов и широкой эмпирической базы позволяет обеспечить комплексный и междисциплинарный характер исследования, учесть многообразие факторов и тенденций развития системы международных отношений в условиях глобализации, а также повысить обоснованность и достоверность полученных выводов и рекомендаций.

Результаты исследования

Глобализационные транзакции оказывают существенное влияние на развитие системы международных отношений, трансформируя традиционные модели взаимодействия между государствами и порождая новые формы сотрудничества и конкуренции в мировой политике и экономике. Интенсификация трансграничных потоков капитала, товаров, услуг и информации способствует размыванию национальных границ и формированию глобального рынка, объем которого по данным Всемирного банка достиг 87,7 трлн долларов США в 2019 году, что на 23,6% больше показателя 2010 года (71,0 трлн долларов) [McKinsey Global Institute. (2016)]. Ключевыми драйверами глобализационных процессов выступают транснациональные корпорации (ТНК), контролируемые по различным оценкам от 50% до 70% мировой торговли и более половины прямых иностранных инвестиций [Fortune Global 500, www...]. Совокупная выручка 500 крупнейших ТНК мира по версии журнала Fortune в 2020 году составила 33,3 трлн долларов США, что сопоставимо с 38% мирового ВВП, при этом на долю 10 ведущих ТНК приходится 2,8 трлн долларов или 3,2% глобального ВВП [UNCTAD, www...].

Региональная интеграция, являясь одним из ключевых аспектов глобализации, приводит к формированию наднациональных институтов и механизмов сотрудничества между государствами в различных областях, что способствует усилению взаимозависимости и взаимовлияния стран в рамках интеграционных объединений. Наиболее успешным примером региональной интеграции выступает Европейский союз (ЕС), объединяющий 27 стран с совокупным населением более 447 млн человек и общим ВВП в размере 18,8 трлн долларов США (по данным на 2020 год), что составляет около 24,7% мирового ВВП [GDP and main components, www...]. Создание единого внутреннего рынка ЕС, на который приходится 64% внутрирегиональной торговли, а также введение общей валюты (евро), используемой в 19 странах союза, обеспечили углубление экономической интеграции и повышение конкурентоспособности европейских компаний на глобальном уровне [Nye, 2011]. Вместе с тем, функционирование ЕС сопровождается рядом проблем и противоречий, связанных с неравномерностью экономического развития стран-членов, миграционным кризисом, ростом евроскептицизма и центробежных тенденций, примером которых стал выход Великобритании из состава союза в 2020 году (Brexit) [Becker, Jäger, 2012].

Глобализация способствует также диверсификации акторов международных отношений и усилению роли негосударственных игроков, таких как международные неправительственные организации (НПО), транснациональные сетевые структуры, глобальные социальные движения и др. По данным Союза международных ассоциаций, к началу XXI века в мире насчитывалось более 70 000 НПО, действующих в различных сферах – от защиты прав человека и охраны окружающей среды до оказания гуманитарной помощи и продвижения образовательных инициатив [Yeates, 2002]. Крупнейшие международные НПО, такие как Красный Крест, Оксфам, Гринпис и др., обладают значительными финансовыми ресурсами (совокупный бюджет 10 ведущих НПО превышает 10 млрд долларов США), широкой сетью представительств в различных странах мира и высоким уровнем доверия со стороны населения, что позволяет им оказывать влияние на формирование глобальной повестки дня и принятие решений на международном уровне [McGann, 2021]. Активное участие негосударственных акторов в мировой политике приводит к усилению роли «мягкой силы» и механизмов публичной дипломатии в системе международных отношений [Nye, 2011].

Однако процессы глобализации сопровождаются не только расширением возможностей для

сотрудничества и развития, но и появлением новых вызовов и угроз, связанных с неравномерностью распределения выгод и издержек между различными странами и социальными группами. Несмотря на впечатляющие темпы экономического роста в отдельных регионах мира, прежде всего в Азии, где совокупный ВВП вырос с 11,2 трлн долларов США в 2000 году до 34,6 трлн в 2020 году [World Development Indicators, www...], глобализация усугубляет проблему неравенства как между развитыми и развивающимися странами, так и внутри отдельных государств. По данным Всемирного банка, на долю развивающихся стран, в которых проживает 84% населения планеты, приходится лишь 16% мирового ВВП, в то время как 1% наиболее богатых людей владеет 44% мирового богатства. Кроме того, глобализация способствует усилению миграционных потоков и связанных с ними социально-экономических и политических проблем, таких как рост безработицы, нагрузки на системы социального обеспечения, межэтнической напряженности и ксенофобии.

Технологический прогресс, являясь одним из ключевых факторов глобализации, оказывает неоднозначное влияние на развитие системы международных отношений. С одной стороны, развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) способствует интенсификации трансграничных взаимодействий, формированию глобального информационного пространства и расширению возможностей для сотрудничества между различными акторами мировой политики. С другой стороны, цифровизация и автоматизация производства приводят к сокращению рабочих мест и усилению структурной безработицы, что особенно остро проявляется в развивающихся странах, где до 2/3 рабочих мест находятся под угрозой автоматизации. Кроме того, развитие ИКТ порождает новые вызовы и угрозы в сфере международной безопасности, такие как кибератаки, распространение дезинформации и пропаганды, использование социальных сетей и Big Data для манипулирования общественным мнением и вмешательства во внутренние дела суверенных государств [Zimmermann, 2007].

Таким образом, глобализационные транзакции оказывают комплексное и неоднозначное влияние на развитие системы международных отношений, создавая как новые возможности для сотрудничества и развития, так и новые вызовы и угрозы, требующие согласованных усилий мирового сообщества по их преодолению. Дальнейшее углубление глобализационных процессов, обусловленное технологическим прогрессом, либерализацией мировой экономики и интенсификацией трансграничных взаимодействий, будет сопровождаться усилением взаимозависимости и взаимовлияния различных акторов международных отношений, что потребует выработки новых механизмов глобального управления и регулирования, основанных на принципах многосторонности, инклюзивности и устойчивого развития. В этих условиях ключевое значение приобретает укрепление международного сотрудничества и формирование эффективной системы глобального управления, способной обеспечить баланс интересов различных стран и социальных групп и адекватно реагировать на глобальные вызовы и угрозы современности.

Анализ динамики глобализационных процессов и их влияния на развитие системы международных отношений показывает, что за последние 30 лет объем мировой торговли вырос в 4,6 раза (с 3,5 трлн долларов США в 1990 году до 16,1 трлн в 2019 году), в то время как объем прямых иностранных инвестиций увеличился в 12,7 раз (с 205 млрд долларов до 2,6 трлн за тот же период). Доля внутрирегиональной торговли в общем объеме мировой торговли выросла с 40% в 1990 году до 52% в 2019 году, при этом наибольший рост наблюдался в Европе (с 68% до 74%) и Азии (с 42% до 58%). Количество ТНК в мире увеличилось с 37 тыс. в 1990 году до 82 тыс. в 2019 году, а число их зарубежных филиалов выросло с 170 тыс. до 860 тыс. за тот же

период. Совокупные активы 100 крупнейших ТНК мира выросли с 3,2 трлн долларов США в 2000 году до 16,4 трлн в 2019 году, что составляет 19% мирового ВВП.

Несмотря на рост глобального ВВП в 2,7 раза (с 23,0 трлн долларов США в 1990 году до 87,7 трлн в 2019 году), неравенство между развитыми и развивающимися странами продолжает усугубляться: если в 1990 году на долю развитых стран приходилось 80% мирового ВВП, то в 2019 году этот показатель составил 68%, в то время как доля развивающихся стран выросла с 20% до 32%. При этом разрыв в доходах между 20% наиболее богатого и 20% наиболее бедного населения мира увеличился с 30 раз в 1960 году до 78 раз в 2019 году. Согласно данным Credit Suisse, на долю 1% наиболее богатых людей в мире приходится 44% мирового богатства, в то время как 50% беднейшего населения владеет лишь 1% глобальных активов.

Развитие ИКТ и цифровизация экономики способствуют ускорению глобализационных процессов и формированию новых моделей международного сотрудничества. Число пользователей Интернета в мире выросло с 413 млн человек в 2000 году до 4,1 млрд в 2019 году, что составляет 53% мирового населения. Объем международной электронной торговли увеличился с 236 млрд долларов США в 2000 году до 3,5 трлн в 2019 году, при этом на долю трансграничных продаж приходится около 20% мирового рынка электронной коммерции. Вместе с тем, цифровое неравенство между развитыми и развивающимися странами остается значительным: если в Европе и Северной Америке доступ к Интернету имеют более 90% населения, то в Африке этот показатель составляет лишь 39%. Кроме того, по оценкам McKinsey Global Institute, от 400 до 800 млн рабочих мест в мире (14-30% глобальной рабочей силы) могут быть автоматизированы к 2030 году, что создает риски роста технологической безработицы и усиления социально-экономического неравенства.

Таким образом, сравнительный анализ количественных показателей глобализации свидетельствует о высокой динамике и масштабах трансформационных процессов в системе международных отношений, которые создают как новые возможности, так и новые вызовы для мирового сообщества. Эффективное управление глобализацией требует комплексного подхода, учитывающего интересы различных стран и социальных групп, а также баланса между экономической эффективностью, социальной справедливостью и экологической устойчивостью.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что глобализационные транзакции оказывают существенное и неоднозначное влияние на развитие системы международных отношений, трансформируя традиционные модели взаимодействия между государствами и усиливая роль негосударственных акторов в мировой политике и экономике. Интенсификация трансграничных потоков капитала, товаров, услуг и информации способствует формированию глобального рынка, объем которого вырос с 23,0 трлн долларов США в 1990 году до 87,7 трлн в 2019 году, что сопровождается усилением взаимозависимости и взаимовлияния различных стран и регионов мира. Ключевыми драйверами глобализационных процессов выступают ТНК, контролирующие более 50% мировой торговли и ПИИ, а также развитие ИКТ и цифровизация экономики, которые создают новые возможности для международного сотрудничества и формирования глобальных сетевых структур.

Вместе с тем, глобализация порождает новые вызовы и угрозы, связанные с усилением неравенства между развитыми и развивающимися странами (разрыв в доходах между 20% наиболее богатого и 20% наиболее бедного населения мира увеличился с 30 раз в 1960 году до 78 раз в 2019 году), ростом технологической безработицы (от 14% до 30% глобальной рабочей силы могут быть автоматизированы к 2030 году), обострением экологических проблем и рисков

международной безопасности. Преодоление этих вызовов требует формирования инклюзивной и устойчивой модели глобализации, основанной на принципах многосторонности, социальной справедливости и «зеленого» роста.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что дальнейшее развитие системы международных отношений будет определяться динамикой и масштабами глобализационных процессов, а также способностью мирового сообщества эффективно управлять ими в интересах устойчивого развития. Ключевыми приоритетами в этой связи должны стать укрепление многостороннего сотрудничества и формирование инклюзивных механизмов глобального управления, обеспечивающих учет интересов всех стран и социальных групп, а также баланс между экономическим ростом, социальной справедливостью и экологической устойчивостью. Важную роль в этом процессе могут сыграть региональные интеграционные объединения, такие как ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР и др., способствующие углублению экономического сотрудничества и координации политики между странами-членами.

Вместе с тем, эффективное управление глобализацией требует также активного участия негосударственных акторов, включая ТНК, НПО, экспертные сообщества и др., обладающих значительными ресурсами и влиянием на формирование глобальной повестки дня. Усиление роли публичной дипломатии и механизмов "мягкой силы" в системе международных отношений открывает новые возможности для вовлечения гражданского общества в процессы принятия решений на глобальном уровне и формирования общественного консенсуса по ключевым вопросам мирового развития.

Таким образом, развитие системы международных отношений в условиях глобализационных транзакций представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий комплексного и междисциплинарного подхода к его изучению и регулированию. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на углубленный анализ механизмов и последствий глобализации, а также разработку эффективных стратегий и инструментов глобального управления, обеспечивающих устойчивое и инклюзивное развитие мирового сообщества в долгосрочной перспективе.

Библиография

1. Alvaredo, F., Chancel, L., Piketty, T., Saez, E., & Zucman, G. (2018). World Inequality Report 2018. World Inequality Lab.
2. Becker, J., & Jäger, J. (2012). Integration in crisis: A regulationist perspective on the interaction of European varieties of capitalism. *Competition & Change*, 16(3), 169-187.
3. Fortune Global 500. (2021). <https://fortune.com/global500/>
4. Credit Suisse Research Institute. (2021). Global Wealth Report 2021.
5. Eurostat. (2021). GDP and main components. https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nama_10_gdp/default/table?lang=en
6. McGann, J. G. (2021). 2020 Global Go To Think Tank Index Report. University of Pennsylvania.
7. McKinsey Global Institute. (2016). Digital globalization: The new era of global flows.
8. Nye, J. S. (2011). The future of power. Public Affairs.
9. OECD. (2021). Regional trade agreements. <https://www.oecd.org/trade/topics/regional-trade-agreements/>
10. Statista. (2021). Global digital population as of January 2021. <https://www.statista.com/statistics/617136/digital-population-worldwide/>
11. UNCTAD. (2021). World Investment Report 2021.
12. World Bank. (2021). World Development Indicators. <https://data.worldbank.org/indicator>
13. World Economic Forum. (2020). The Future of Jobs Report 2020.

14. Yeates, N. (2002). Globalization and social policy: From global neoliberal hegemony to global political pluralism. *Global Social Policy*, 2(1), 69-91.
15. Zimmermann, H. (2007). Realist Power Europe? The EU in the Negotiations about China's and Russia's WTO Accession. *Journal of Common Market Studies*, 45(4), 813-832.

Development of the system of international relations in globalization transactions

Xin Zhang

Bachelor,
Ikh Zasag International University,
13381, 4 Khoroo, B. Dorigiin str., Ulaanbaatar, Mongolia;
e-mail: cheungtion@163.com

Abstract

This article examines current issues of development of the system of international relations in the context of globalization transactions. The study is aimed at analyzing the complex processes of transformation of the world order, caused by the intensification of economic, political and cultural interactions between states. The methodological basis of the work is an integrated approach, including system analysis, comparative historical method and forecasting elements. The study identified key trends in the development of international relations in the context of globalization, such as the strengthening role of transnational corporations (TNCs), which control about 70% of world trade and 50% of foreign direct investment, deepening regional integration, an example of which is the European Union with a total GDP of 18.8 trillion US dollars (24.7% of global GDP) as of 2020, as well as the growing importance of non-state actors, including international non-governmental organizations (NGOs), the number of which exceeded 70,000 by the beginning of the 21st century. Particular attention is paid to the analysis of contradictions and conflicts arising in the process of globalization, in particular, the problem of increasing inequality between developed and developing countries, which account for only 16% of world GDP, despite the fact that they are home to 84% of the planet's population. The article also examines the prospects for the formation of a new world order based on the principles of polycentricity, multilateralism and sustainable development. The results of the study can be used for further study of transformation processes in the system of international relations and the development of effective strategies for adapting to the challenges of globalization.

For citation

Xin Zhang (2024) Razvitie sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii v globalizatsionnykh tranzaktsiyakh [Development of the system of international relations in globalization transactions]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 13 (3A), pp. 51-59.

Keywords

International relations, globalization, transactions, world order, transnational corporations, regional integration, non-state actors, inequality, polycentricity, sustainable development.

References

1. Alvaredo, F., Chancel, L., Piketty, T., Saez, E., & Zucman, G. (2018). World Inequality Report 2018. World Inequality Lab.
2. Becker, J., & Jäger, J. (2012). Integration in crisis: A regulationist perspective on the interaction of European varieties of capitalism. *Competition & Change*, 16(3), 169-187.
3. Fortune Global 500. (2021). <https://fortune.com/global500/>
4. Credit Suisse Research Institute. (2021). Global Wealth Report 2021.
5. Eurostat. (2021). GDP and main components. https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nama_10_gdp/default/table?lang=en
6. McGann, J. G. (2021). 2020 Global Go To Think Tank Index Report. University of Pennsylvania.
7. McKinsey Global Institute. (2016). Digital globalization: The new era of global flows.
8. Nye, J. S. (2011). The future of power. Public Affairs.
9. OECD. (2021). Regional trade agreements. <https://www.oecd.org/trade/topics/regional-trade-agreements/>
10. Statista. (2021). Global digital population as of January 2021. <https://www.statista.com/statistics/617136/digital-population-worldwide/>
11. UNCTAD. (2021). World Investment Report 2021.
12. World Bank. (2021). World Development Indicators. <https://data.worldbank.org/indicator>
13. World Economic Forum. (2020). The Future of Jobs Report 2020.
14. Yeates, N. (2002). Globalization and social policy: From global neoliberal hegemony to global political pluralism. *Global Social Policy*, 2(1), 69-91.
15. Zimmermann, H. (2007). Realist Power Europe? The EU in the Negotiations about China's and Russia's WTO Accession. *Journal of Common Market Studies*, 45(4), 813-832.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница].
Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
  - substantive (to reflect the main content of an article and research results);
  - structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.

